

АРМЯНСКИЕ УЧЕНЫЕ
И
ВОПЮЩИЕ КАМНИ.

Н. И. Алексеев

ТИФЛИСЪ

Типографія Грузинскаго Изд. Товарищества

1902

Дозволено цензурою 13-го сентября 1900 г.

АРМЯНСКІЕ УЧЕНЫЕ

и

ВОПИЮЩІЕ КАМНИ.

„Не такъ страшусь открытаго врага, какъ врага, прикидывающагося другомъ, страшусь его ласки, его улыбки“.

Руставели.

Врядъ-ли найдется на всемъ земномъ шарѣ народность, которая была бы такъ оскорбительно унижена, обезславлена всѣми, кому только не лѣнь было это дѣлать, какъ наша. Всякій старается или перешагнуть черезъ насъ, или затоптать и сравнять съ землею. Чуть-ли не хотятъ уничтожить и воспоминаніе о насъ въ Закавказьѣ, стереть съ лица земли имя грузина и отдать на волю вѣтра. Какъ будто насъ никогда не существовало, какъ будто нѣтъ насъ и нынѣ. Нищіе духомъ, слабо-умные, нравственно-падшіе, глупые, необразованные, невоспитанные, разоренные въ конецъ, ненадежные, трусы—вотъ картина нравственнаго и физическаго на-

шего багажа! Вотъ чѣмъ мы были и что мы есть, по словамъ тѣхъ, интересы которыхъ требуютъ такого нашего безславія и униженія. Изъ кожи лѣзутъ они, чтобъ увѣрить всѣхъ и вся, дома и на сторонѣ, на словахъ и въ печати, что мы были негодными и недостойными и остались таковыми же, если только не хуже. Съ такимъ клеймомъ на челѣ они пустили имя грузина по Европѣ, куда только голосъ и перо ихъ могли имѣть доступъ. Таковую же славу о насъ, грузинахъ, они пустили по Россіи. Правда, всякій, кто только изъ русскихъ или европейцевъ самолично успѣвалъ ознакомиться съ хорошими и дурными нашими сторонами, сказалъ кое-что и въ нашу пользу, — но, къ несчастью, и среди ихъ многіе сужденія свои обосновывали на вождельніи другихъ, плясали по чужой дудкѣ и попадали въ чужія сѣти. Богъ съ ними, съ ихъ стараніемъ обезславить насъ! Но дѣло въ томъ, что они словомъ и перомъ кланутся всему міру, будто испоконъ-вѣка по сую сторону Кавказскаго хребта, до истоковъ Тигра и Евфрата, почти отъ Чернаго и Каспійскаго морей, была такъ называемая Арменія (будто Сомхетія, т. е. страна сомеховъ-гайкановъ), и если, молъ, прозябали кое-гдѣ какіе то враци ¹⁾, то занимали чуть ли не пространство въ десятокъ хлѣбовъ, и то-де по милости армянъ. Враци эти, какъ народъ, не заслуживаютъ де упоминанія, такъ какъ они находятся на пути къ уничтоженію и вырожденію, да если бы это было и такъ, то у нихъ нѣтъ настолько ума, чтобы вникнуть въ свое положеніе, Богъ не далъ имъ способности къ тор-

¹⁾ Армянское названіе грузинъ. *Примѣч. переводчика.*

говлѣ; кромѣ-де извозничества и чалвадарства они ни на что не годны и не могутъ даже пользоваться тѣми немногими мѣстами для хлѣбовъ, которыя, смѣшно сказать, величаютъ Грузією. Да и какъ они ими могутъ пользоваться, когда на то у нихъ нѣтъ ни умѣнія, ни трудолюбія, ни образованія, ни знанія, ни желанія, ни охоты знать и поучиться—ну, хотя бы у тѣхъ же армянъ, которые, молъ, призваны Богомъ и исторіей со знаменемъ культуры въ рукахъ оживить и осчастливить не только близкій Востокъ, но и дальнюю, дикую и невѣжественную Азію.

Не довольствуясь тѣмъ, что позорятъ наше имя лишаютъ насъ національнаго достоинства они, чтобъ окончательно сжить насъ со свѣта, упраздняютъ и всю исторію нашу, и лѣтописи, и историческіе остатки и памятники, всѣ, кровью обогренныя, заслуги наши предъ христіанствомъ и все, принадлежащее намъ, наше историческое достояніе, путемъ разныхъ плутней, приписываютъ себѣ. Правда, „у лжи ноги коротки“ ²⁾, и, отнимая или умаляя чужія достоинства, своихъ не приумножишь, но „рабъ своихъ вождельнѣй тугъ на ухо и гораздъ на языкъ“, какъ говоритъ грузинская пословица.

Ради чего поднята такая туча пыли, ради чего мечутся мнимыя молніи и гремятъ громы? Ради того, чтобы доказать міру, что въ Закавказьѣ существуетъ лишь одна армянская нація, издревле существующая, и будущее принадлежитъ скорѣе ей, такъ какъ она де исторически доказала свою моральную и физическую мощь и незыблемость и величіе ума своего.

2) Груз. пословица. *Примѣч. переводчика.*

Чьи все это продѣлки? Что это за черный воронъ кружится и каркаетъ надъ нашей головой? Мы говорили и раньше, повторяемъ и теперь: Боже насъ сохрани ставить все это въ вину всему армянскому народу, приписывать ему весь этотъ грѣхъ, въ коемъ повинна только извѣстная группа армянъ и ея книжники-грамотеи, ученые. Однако, несмотря на это, прежде, нежели мы рѣшились взять перо въ руки, долго мы задумывались объ одномъ, для насъ весьма важномъ, обстоятельствѣ: какъ отнесутся армяне къ этому нашему труду? Вопросъ, какъ увидимъ ниже, немаловажный.

Народъ, какъ совокупность человѣческихъ существъ, сплоченныхъ исторіею въ одно тѣло и во едину душу данной страны, долженъ быть, во всякомъ случаѣ, уважаемъ всякимъ порядочнымъ и здравомыслящимъ человѣкомъ, и оскорбленіе, униженіе его въ томъ или другомъ смыслѣ—поступокъ весьма непристойный. Каждый народъ имѣетъ свой собственный обликъ, свои стремленія, свои пожеланія, свои порывы, свои особенности. Поношеніе всего этого—грубость, не приличествующая человѣку развитому. Мы это отлично понимаемъ, и Боже упаси разумѣть весь народъ тамъ, гдѣ виновна лишь его извѣстная группа. Между тѣмъ, какъ разъ на этой почвѣ и предвидится нападеніе на насъ. Съ этой то стороны ожидается то облако пыли, тотъ вихрь, который не преминутъ поднять, чтобы заставить закрыть глаза. Богъ знаетъ, въ какой забьетъ набатъ, какую подыметъ тревогу по поводу этихъ очерковъ группа людей, которую мы имѣемъ въ виду и у которой вошло въ привычку къ сказанному исключительно

о ней пристегивать всѣхъ армянъ. Умысль здѣсь ясенъ. Борьба въ защиту народа, по справедливости, достойна уваженія, и совершенно основательно. Это хорошо понимаютъ наши друзья-пріятели и прекрасно знаютъ, что подъ знаменемъ защиты народа, они привлекутъ всеобщее расположеніе и, половина побѣды у нихъ заранѣе будетъ въ рукахъ: „уловка лучше силы“. („*ბებნი ბჯაბიო ღაბჯა, თუ ჰყო მაგაბეძისა*“) ²⁾). Разъ они возьмутся за такую хитроумную тактику, имъ легко будетъ обвинить обличителей въ недостойномъ желаніи поселить раздоръ между двумя народностями. Расчетъ вѣренъ. Они направленную въ ихъ стрѣлу вонзаютъ въ сердце народа, съ цѣлью озлобить его, и этимъ ловкимъ приѣмомъ прикрываютъ себя, какъ надежнымъ щитомъ, зажимаютъ ротъ обличителю ея грѣховъ. Армянскій народъ тутъ не при чемъ; онъ какъ народъ мирный, трудолюбивый, занимается своимъ дѣломъ—будь оно торговля или земледѣліе,—онъ и не задается подобными вопросами, а потому ему и не приходится быть отвѣтственнымъ за грѣхи своихъ непрошенныхъ защитниковъ, кружащихся вокругъ него, какъ мошки вокругъ дуба. Народъ вообще отлично понимаетъ, что истинное достоинство не нуждается въ трубахъ и литаврахъ, отлично знаетъ, что шумъ и гамъ непрошенныхъ крикуновъ не создаютъ славы о доблестяхъ его и не могутъ породить доблестей тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Истинная доблесть, по природѣ своей, скромна и не болтлива,

²⁾ Груз. послов., гласящая буквально слѣдующее: „Ловкость, находчивость лучше физической силы, если только человекъ умѣетъ ими пользоваться“. *Примѣч. перев.*

и чѣмъ она молчаливѣе и скромнѣе, тѣмъ она величавѣе и обаятельнѣе. Чтобы понять это благородное свойство доблести, не нужно быть ученымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ: для этого достаточно имѣть здравый умъ и искреннее, непорочное сердце даже простолюдина. „Не говори, что ты хорошъ, не хвали самого себя“, или „храбреца украшаетъ скромность, не стоитъ соломенки хвастунъ“ ^{*)}). Развѣ не простолюдиномъ сказаны эти слова?!

Къ несчастью, до этой мудрости еще не дошли армянскіе ученые, трубящіе на всѣхъ перекресткахъ о славѣ и величіи ихъ народа и при всякомъ случаѣ унижающіе и стирающіе съ лица земли грузинъ.

Мы ничего не имѣемъ противъ прославленія и возвеличенія армянъ. Въ подобныхъ случаяхъ даже пересоль является не чѣмъ инымъ, какъ лишь щедростью, отъ которой никому ни больно и ни обидно, ни тепло и ни холодно. Мы не завидуемъ никакимъ добродѣтелямъ и доблестямъ армянъ, — напротивъ, достоинства эти и для насъ самихъ желательны. Они составляютъ предметъ соревнованія, но вовсе не зависти. Зависть злится и терзается чужими недостатками, чужими успѣхами, соревнованіе же — благородное чувство: оно стремится достигъ доблестей и добродѣтелей другого. Зависть не переноситъ чужого достоинства, соревнованіе же, напротивъ, не нарадуется на него. Зависть враждуетъ съ достоинствомъ, соревнованіе же дружить, лелѣть.

Въ виду этого мы не будемъ вдаваться въ оцѣнку данныхъ о славѣ и величіи армянъ, если бы даже.

^{*)} Грузин. народ. пословица. *Примѣч. перев.*

они были дутыми или оказались сплошнымъ бахвальствомъ. Если есть чѣмъ имъ кичиться, то да сохранить имъ это Господь Богъ, а если они лишены этого, то пусть оно дастся имъ. Мы огорчаемся только тѣмъ, что самовосхваляющая группа армянъ, отрицая наше, грузинъ, духовное и физическое существованіе, указываетъ намъ лишь разверзтую предъ нами могилу, какъ будто нашимъ небытіемъ создается ихъ существованіе.

Пора сорвать маску съ этой группы армянъ, мудрецы которой задаютъ намъ, грузинамъ, отъ мала до велика, безъ исключенія, такого трезвону. Пора взглянуть на нихъ прямо, безъ прикрасъ. Пора намъ узнать, — откуда каркаетъ надъ нами черный воронъ, откуда идетъ этотъ каменный градъ, бьющій насъ! Пора намъ опомниться и не праздновать труса предъ этими лже-либералами, предъ этими арлекинами истиннаго либерализма, затыкающими намъ ротъ съ цѣлью скрыть подъ священнымъ плащомъ народолубія свое фиглярство, двуличіе, безсердечіе. Не обнаруживайте-де нашихъ продѣлокъ, а то мы обвинимъ васъ въ возбужденіи національной вражды, причислимъ васъ къ лагерю ретроградовъ, а возбужденіе национальной вражды въ концѣ XIX в., сѣянiе плевелъ среди націи означаютъ неразвитость ума, мракобѣсіе, поруганіе либерализма. Только малютокъ можно запугать этими воображаемыми громами и молніею лже-либерализма и тѣхъ, которые привыкли вѣрить только словамъ, не считаясь съ ихъ смысломъ. Развѣ либерализмъ состоитъ въ скрываніи истины, въ замазываніи всевозможныхъ продѣлокъ, фиглярства, подлоговъ, въ обманахъ и всякой другой безнравственности, а не

въ разоблаченіи всего этого?! Если не разоблачать и не распинать всего, достойнаго порицанія, то на что онъ годенъ, вами хваленый разиня-либерализмъ?! Развѣ гласность и выводъ на свѣтъ Божій всякаго тайнаго и явнаго зла, не стѣсняясь тѣмъ, что они могутъ вызвать недовольство, не священнѣйшее-ли и первѣйшее достояніе истиннаго либерализма, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ цѣною большихъ жертвъ, а иногда и пролитой крови?

. . . Кому, какъ не лже-либералу, взбредеть на умъ, изъ страха обидѣть кого либо, зажать ротъ обличителю зла? Справедливое и основанное на данныхъ обличеніе, хотя бы и цѣлаго народа, примется съ благодарностью, а не съ негодованіемъ и враждою. Истинный либерализмъ состоитъ въ томъ, чтобы не позволить никому попираť правду, обличать злодѣя въ злодѣйствѣ, не оставлять безъ заслуженнаго приговора злыхъ дѣяній, а если необходимо, и подвергать строгому взысканію. „Примѣромъ портится міръ“. Неосужденное зло есть сѣть соблазна, въ которую легко запутаться слабохарактерному человѣку, и „безстыдника если не пристыдить, то это послужитъ примѣромъ и стыдливому стать безстыднымъ“. ⁵⁾

Если предвидѣніемъ грядущихъ смутъ пугаютъ насъ и во имя либерализма накладываютъ на уста наши печать молчанія и если неумѣстная ссылка на либерализмъ не есть простая уловка, чтобы завлечь и запутать недорослей, то почему во имя этого же либерализма они не зажимаютъ рта той группѣ армянъ, ученые грамотеи книжники которой, кстати и

⁵⁾ Слова Давида Гурамова: „უხიბცვილოს თუ არ არცხვენ, დაძვით ზორცხვიც გაურცხვდება“. *Примѣч. переводчика.*

некстати, на весь міръ обдають грязью всю грузинскую націю,—да, всю націю—и копають ей могилу, какъ мы уже говорили? Ну, заикнулся ли хотя одинъ изъ этихъ лже-либераловъ и сказалъ: „Что вы за чужь порете, господа! если только у васъ есть какое либо собственное достоинство, собственная отчизна, то и говорите объ этомъ! А то чего пристали вы ко всей грузинской націи, зачѣмъ безславите ее и присваиваете себѣ непринадлежащее вамъ? Развѣ двери рая отверзятся для насъ изъ за того, что мы будемъ поносить грузинскую націю и губить ее? Развѣ не знаете, что правды скрыть нельзя и что рано или поздно она всплываетъ? Однако же никто объ этомъ не молвилъ ни слова и не вымолвить его, потому что они двуличны и пристрастны. Для всего этого нужны: чистосердечіе, любовь къ правдѣ, великодушіе, а на нынѣшнемъ рынкѣ ни то, ни другое, ни третье не имѣютъ спроса.

По мнѣнію ихъ, мы должны кланяться въ поясъ, когда поносятъ всю нашу націю, а они возмущаться, когда мы защищаемся и обнаруживаемъ шашни извѣстной лишь группы нашихъ поносителей, не касаясь ни словомъ націи. Вы-де о нашей, даже отдѣльной, группѣ не смѣете говорить и слова правды, изъ опасенія огорчить насъ, вызвать недовольство наше, намъ же нѣтъ, молъ, дѣла до вашихъ чувствъ, если даже оскорбимъ всю вашу націю и прибѣгнемъ ко лжи, чтобы запятнать васъ. Что это за справедливость, что это за либерализмъ?! Это фарисейство, наглое надувательство, пресмыкательство, прятки, укрываніе головы въ норѣ и оставленіе хвоста

внѣ ея, но никакъ не либерализмъ. „Между честными врагами посредницею бываетъ совѣсть“ ⁶⁾).

Пусть эти пустомели—группа лже-либераловъ, затыкающая глотку дѣтямъ, застрашиваютъ ихъ: Чуръ, молъ! Низвука, ни слова въ обличеніе наше, не то окрестимъ васъ именемъ ретрограда! Но человѣка съ умомъ они не могутъ лишить честной способности постоять за правду и обличить ложь, когда того требуютъ умышленно оскорбленные и поруганные чувства человѣка и народное достоинство. Тутъ нужны честная стойкость лицомъ къ лицу, открытое обличеніе, а не бѣгство, не отступление, подобно жалкому трусу. Въ сущности мѣриломъ человѣческаго достоинства служатъ ни либерализмъ, ни ретроградство, ни что либо подобное, а то: правъ или неправъ человѣкъ? Если нынѣшней молодежи сказать, что образъ мыслей ея не либераленъ, то она поблѣднѣетъ со страха, и какъ бы права она ни была, а проглотитъ языкъ: что за напасть, оказывается, случилась со мною,—подумаетъ про себя. Теперь никому нѣтъ дѣла,—цѣнна сама по себѣ истина или нѣтъ, и съ этой точки зрѣнія никто не входитъ въ обсужденіе высказанной мысли. Повторяемъ, дѣло въ томъ, чтобъ обличеніе зла было основательное, доказанное, а не вымышленное, и пусть никто не боится вызвать этимъ чье-либо недовольство, огорченіе, непріязнь. Развѣ мы не знаемъ, что творящему зло не по душѣ обличеніе,—но развѣ это уважительная причина закрывать глаза, затыкать уши и налагать на уста мол-

⁶⁾ Афоризмъ Кн. Ильи Чавчавадзе: პატოსანთ მტერთა შორის ნამუსია მოციქული. *Примѣч. перев.*

чаніе, когда это зло обрушивается всею своею тяжестью, на насъ вопіеть, къ стыду нашему, на весь міръ о нашемъ якобы ничтожествѣ?! Почему мы должны молчать? Неужели потому, что сказанное нами вызоветъ недовольство армянъ, а возбужденіе вражды недостойно въ наше время?! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы должны пугаться этихъ басенъ и не замкнуться въ защиту и охрану своей собственной личности?!

„Намъ, молъ, и щелчокъ оскорбителенъ, а вы не смѣйте обижаться, когда мы дубиною огрѣваемъ“. Что мы за пасынки міра сего, что они дерзають забавлять насъ побасенками! Какая рѣчь можетъ быть о либерализмѣ и ретроградствѣ, когда такъ унижаютъ и вырываютъ съ корнемъ нашу самоличность, все наше существованіе?! Только презрѣнному трусу на руку эти побасенки, только трусъ безмолвно лижетъ чужой плевокъ, переноса, молча, ругань, дабы молчаніе его не сочли за трусость. До этого, слава Богу, мы еще не дошли: мы еще настолько сохранили въ себѣ чувство собственного достоинства, настолько еще сильно бьется у насъ сердце, чтобы защитить и охранить себя и никому не позволять попирать и оскорблять имя грузина.

II.

Продѣлки армянскихъ ученыхъ грамотеевъ и ихъ клеветовъ—уже старая пѣсня: съ того времени прошло, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ 60 лѣтъ, если не болѣе. Говоримъ, цѣлыхъ 60 лѣтъ, а это не такой короткій періодъ времени, чтобы съ нимъ не считаться. Вотъ уже цѣлыхъ 60 лѣтъ, какъ одни и тѣ же громы и молніи мечутся, однѣ и тѣ же тенденціи за-

трогиваютъ нашу самоличность, и съ каждымъ днемъ съ большею и большею дерзостью, смѣлостью, нахальствомъ сдираютъ съ насъ шкуру и грозятъ потопомъ. Въ продолженіе всего этого довольно долгаго періода времени дѣйствуетъ все одинъ и тотъ же завѣтъ,—систематически, неуклонно, твердо, хитро и съ удивительною настойчивостью протянута одна и та же нить, нельзя сказать, чтобъ особенно искусно, но съ большимъ лукавствомъ, съ большимъ лицемѣріемъ. При этомъ удивительнѣе всего еще то, что весь этотъ шестидесятилѣтній періодъ начинается русскимъ писателемъ и русскимъ же писателемъ заканчивается. Между ними цѣлый рядъ армянскихъ грамотеевъ-писателей, такъ что если протянуть одну нить отъ начала до конца, то она коснется всѣхъ лицъ —до такой степени они дружно проповѣдываютъ одни и тѣ же, намѣренно нанизанныя мнѣнія, какъ будто они составляютъ одну душу и одно тѣло и вылиты въ одну форму.

Русскій писатель Сенковскій, извѣстный подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, еще въ 1838 году ¹⁾ писалъ: „до Вахтанга VI грузины не имѣли лѣтописи, сами грузины даже не существовали до XII ст. послѣ Р. Хр. подъ именемъ иверовъ извѣстны были разныя горскія племена; вся страна за р. Курю, гдѣ въ настоящее время Тифлисъ, и большая часть Грузіи испоконъ вѣка принадлежала армянамъ, и здѣсь обитали армяне, мидяне, массагеты, или турки, и нѣсколько колѣнъ албанцевъ“. Кому при-

¹⁾ „Библіотека для чтенія“ 1838 г., стр. 151—178
Письма: „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи“.

писать составленіе такой ложной, искаженной исторіи и географіи? Нѣтъ сомнѣнія, что она писана Сенковскимъ, но неужели можно сомнѣваться, что Сенковскій не былъ кѣмъ то введенъ въ заблужденіе и что онъ, какъ эхо, повторялъ слышанное? Вѣдь ясно, что подобной лжи онъ нигдѣ не могъ вычитатъ, такъ какъ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ лѣтописей, въ которыхъ можно было бы найти указаній въ этомъ смыслѣ, и лжи этой даже въ преданіяхъ онъ не нашелъ бы. Кому нужно было распространить по міру вѣсть, что грузинъ до XII в. даже не существовало, что въ Грузіи не было грузинъ и что здѣсь обитали армяне и другія народности, или что большая часть Грузіи вмѣстѣ съ Тифлисомъ испоконъ вѣка принадлежала армянамъ! Ложь, и притомъ такая неожиданно негаданная, безъ задней мысли и безъ расчета, не появляется.

Отъ дня присоединенія Грузіи къ Россіи до того дня, когда Сенковскій состряпалъ такую ложь, не прошло даже 37 лѣтъ, и неужели въ продолженіе этого сравнительно короткаго времени исторія облеклась въ такой мракъ, что никто уже не помнилъ, какая страна присоединилась къ Россіи—Грузія или Арменія, или чьей резиденціею и столицею былъ Тифлисъ. Самъ Сенковскій былъ профессоромъ восточныхъ языковъ, русскимъ писателемъ, журналистомъ, и неужели можно допустить, чтобъ онъ доподлинно не зналъ о случившемся такъ недавно, чуть не на его памяти! Неужели можно повѣрить, чтобы Сенковскій не слышалъ даже о такомъ для Россіи исторически важномъ событіи! Неужели до слуха его не дошло, чью страну и отъ кого приняла Россія подѣ

свое покровительство! Если это такъ, кто-же и что заставили состряпать такую непостижимую исторію и географію, о которыхъ мы упомянули выше? Ясно, что тутъ дѣйствовали не любовь и страсть къ научному изслѣдованію, ибо тутъ явная ложь, и любящій науку не поддастся страсти ко лжи, не позволитъ себѣ увлечься ею. Ясно, что эту странную загадку нельзя объяснить и жаждою ученаго изслѣдованія, такъ какъ подобная исторія, подобная географія — не изслѣдованіе, а явный вымыселъ, ибо изслѣдователь не могъ бы найти никакихъ къ тому данныхъ. Ясно, что ни грузинъ, ни русскій не подвели бы его такъ. Какой расчетъ для русскаго распускать слухъ, что страна, принятая отъ грузинъ, принадлежала не грузинамъ, а армянамъ... Такъ кому же былъ расчетъ такъ поступить? Всякому извѣстно, каковъ былъ блаженной памяти Сенковскій. Для того же, чтобы найти скрытый источникъ этой преднамѣренно придуманной исторіи и узнать по чьей хитросги мечутся эти стрѣлы, нужно поискать, въ чьихъ рукахъ найдется лукъ. Съ тѣхъ поръ по настоящее время армянскіе ученые употребляютъ всѣ усилія и всячески стараются показать міру изъ всего Закавказья Грузію съ наихудшей стороны, чтобы какъ можно больше отъ нея урѣзать и присвоить себѣ, насколько возможно уничтожить прошлое и осквернить даже и настоящее ея.

Напр., извѣстно всѣмъ, что Чорохскій бассейнъ съ давнихъ временъ составлялъ часть верхней Карталиніи, что впослѣдствіи составляло Самцхэ-Саатабаго,

армянскіе же писатели — Эминъ, ⁸⁾ Худабашевъ, ⁹⁾ Ерицовъ ¹⁰⁾ оспариваютъ у насъ именно эти мѣста, утверждая, что верховья Куры и весь Чорохскій бассейнъ входили въ составъ Великой Арменіи. Лишь одну пядь земли оставляютъ они за нами. Спасибо имъ и за эту милость! Но какъ сочтутся они съ тѣмъ фактомъ, что оспариваемыя ими у насъ мѣста задолго до Рожд. Хр. по настоящее время сохранили грузинскія названія, напр.: въ Чорохскомъ бассейнѣ — Кларджети, Лиганисъ-хеви, Таосъ-кари, Шавшети, Аджара, а въ верховьяхъ Куры — Кола, Артаани, Эрушети, Самцхэ и Джавахети. Въ этихъ мѣстахъ грузины, начиная съ VII и VIII ст. до XIV в., строили храмы, монастыри, существующіе и понынѣ, напр. въ Колахъ — Дадешскій, въ Артаани — Накалакевскій, въ Самцхэ — Ацкурскій, Зарзмскій, Сафарскій, въ Джавахети — Цкаротавскій, въ Шавшетіи — Тбетскій, въ Кларджети — Хахульскій, въ Аджаріи — Схалтскій и много другихъ.

Допустимъ, что эти ясныя и несомнѣнныя сказанія, наименованія мѣстностей, надписи на монастыряхъ, храмахъ, эти дѣйствительно прямыя и неопровержимыя свидѣтельства нужно снять со „счетовъ“; допустимъ, что на все это не слѣдуетъ ссылаться. Но какой отвѣтъ дадутъ европейскому ученому Сень-Мартену, тому Сень-Мартену, который извѣстенъ болѣе какъ сторонникъ армянъ, нежели грузинъ, и ко-

⁸⁾ См. его же: „Исторія Моисея Хоренскаго“, 1858 г. стр. 340—344.

⁹⁾ См. его же: „Обозр. Арменіи“, 1859 г., стр. 21—27.

¹⁰⁾ См. „Кавказ. Старина“ 1872 г., № 1, стр. 20.

тораго такъ часто цитируютъ армянскіе книжники,— когда только желаютъ заручиться его свидѣтельствомъ для поношенія грузинъ. Даже и этотъ сторонникъ армянъ, въ этомъ случаѣ, обвиняетъ армянскихъ книжниковъ, говоря, что хребетъ горъ, служащій водораздѣломъ Чороха, Куры, Евфрата и Аракса, былъ постоянной границей Грузіи и Арменіи. Такимъ образомъ, онъ совсѣмъ лишаетъ ихъ верховьевъ Куры и Чорохскаго бассейна.

Несмотря на все это, армянскіе историки все же тянутъ свою канитель и селятся тамъ, гдѣ никогда не жили. Развѣ не ясно, что этою поверхностною ученостью они желаютъ убѣдить міръ, будто за ними историческое право занять эти мѣста... Мы не затѣмъ завели объ этомъ рѣчь, чтобы считать свое мнѣніе по этому предмету неоспоримымъ. Быть можетъ, сны армянскихъ ученыхъ были снами на яву, и, быть можетъ, тѣ страны дѣйствительно принадлежали имъ. Мы только хотѣли указать, какъ ловко и хитро армянскіе книжники ведутъ линію, чтобы проводить свое. Въ такихъ случаяхъ они ничѣмъ не брезгаютъ, приписывая все себѣ и скрывая чужое.

Если перечитать всѣхъ этихъ Эрицовыхъ, Худабашевыхъ, Эминовъ и имъ подобныхъ, то вы увидите, что свои мнѣнія и изслѣдованія они цѣнятъ на вѣсь золота, а чужимъ, если они имъ не на руку,—грошъ цѣна.

Та группа армянъ, запѣвалами которой являются ихъ, армянъ, книжники, не довольствуется этими подтасовками, для нея мало скрывать чужую правду, а о своей лжи, какъ о правдѣ, трубить. Она отлично понимаетъ, что факта, какъ его ни замалчивай, нельзя

скрыть: онъ рано-ли, поздно-ли скажется. Весь вопросъ—уничтожить фактъ: или стереть, или выскоблить историческую надпись, или же переиначить ее въ свою пользу.

Что армянскіе книжники-грамотеи упражняются и повинны въ такихъ продѣлкахъ, тоже ясно. А такъ какъ наступитъ время, когда историческіе остатки и памятники заговорятъ о томъ,—кто занималъ и кто нынѣ занимаетъ данныя мѣста, и такъ какъ камни, многочисленныя постройки, монастыри, храмы вопіютъ, что съ самыхъ древнихъ временъ на этихъ мѣстахъ обитали грузины,—то, что и говорить, является необходимостью зажать ротъ этимъ правдивымъ свидѣтелямъ грузинъ, не дать имъ возможности пикнуть слово. Съ этой цѣлью они выкинули достойное похвалы колѣнцо: взяли и, гдѣ только смогли и сумѣли, уничтожили всякій слѣдъ.

Продѣлка не особенно головоломная, лишь бы была на то охота и податливая совѣсть. Нынѣ времени такія, когда для достиженія своей цѣли ни предъ какими средствами не останавливаются,—будетъ ли это достигнуто путемъ обмана, фальсификации, подлоговъ—безразлично. Достижение цѣли, какою бы путемъ считается нынѣ мѣриломъ ума. Мы имѣемъ немало примѣровъ, что армяне силились стирать и уничтожать слѣды грузинскаго происхожденія на грузинскихъ храмахъ и монастыряхъ, скоблить или стирать съ камней грузинскія надписи, вынимать самые камни изъ построекъ и вставлять въ нихъ другіе, съ армянскими надписями, о чемъ даже писалось въ русскихъ, и въ грузинскихъ газетахъ. Между прочимъ, покойный Д. Бакрадзе рассказывалъ о

случаѣ, указывающемъ намъ на такую милую способность этой группы армянъ. Въ Артвинѣ существуетъ весьма старая церковь. Тамошніе армяне возымѣли желаніе наготовѣ присвоить себѣ этотъ храмъ ¹¹⁾. Но мѣстные греки начали оспаривать его у нихъ на томъ основаніи, что такъ какъ онъ съ давнихъ временъ принадлежалъ грузинамъ, то, слѣдовательно, мы, молъ, какъ православные, имѣемъ преимущество предъ вами. Въ немъ былъ вдѣланъ камень съ грузинской надписью, а такъ какъ эта надпись служила доказательствомъ принадлежности храма грузинамъ, то армяне извоили благоразумно „припрятать“ этотъ камень.

Такимъ образомъ, вырвавъ эту церковь изъ рукъ православныхъ, — армяне присвоили ее себѣ. Развѣ подобная продѣлка простолюдину-армянину придетъ въ голову?! Даже если бы это и было дѣло рукъ простого армянина, то мысль, въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, внушена ему грамотеями и учеными. Поэтому мы имѣемъ основаніе приписывать эту и подобныя продѣлки только этой группѣ армянъ, но отнюдь не цѣлому народу.

Ниже приведемъ примѣры того, что армянскіе книжники подобными продѣлками не стѣсняются, что стирать, опорочивать или передѣлывать документы — ихъ ремесло. Пока же мы скажемъ, что они не довольствуются искорененіемъ такимъ способомъ имени грузина въ Закавказьѣ и передѣлкою грузинскихъ историческихъ памятниковъ на армянскіе. Кроме храмовъ, монастырей и камней въ Закавказьѣ есть

¹¹⁾ См. Д. Бакрадзе: „Археологическое путешествіе по Гуріи и Аджаріи“, стр. 41.

и другіе свидѣтели, говорящіе о грузинахъ. Такими свидѣтелями служатъ лѣтописи и хроника, изслѣдованныя учеными и, какъ историческія данныя, стоящія на стражѣ, въ случаѣ, если армяне будутъ пытаться выводить своихъ цыплятъ въ орлиныхъ гнѣздахъ. Армянскіе книжники отлично понимаютъ, что если только эти данныя не будутъ уничтожены, то они ничего особеннаго не смогутъ присвоить себѣ въ Грузіи. Потому они и подступили къ намъ съ этой именно стороны. Ихъ покойный профессоръ Паткановъ ¹²⁾ выступилъ противъ насъ съ цѣлымъ арсеналомъ учености и чуть было не выколотилъ изъ насъ всю душу. Началъ онъ съ того, что упразднилъ нашу „Картлисъ-Цховреба“ („Большая хроника жизни грузинъ“). Она состряпана, молъ, при Вахтангѣ VI, и нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи „Картлисъ-Цховреба“ до него. Извѣстно-де единственное въ этомъ родѣ произведеніе, называемое „армянская хроника“, и если существуютъ какіе либо матеріалы для исторіи Грузіи, то развѣ только тамъ можно ихъ найти. Правда, молъ, что хроника эта переведена съ грузинскаго, но навѣрное подлинникъ сочиненъ или составленъ не свѣдущимъ и невѣжественнымъ армяниномъ въ XII в., когда грузины почувствовали необходимость исторіи. Изволите-ли видѣть, гдѣ сказался Сенковский и гдѣ просочилась знакомая намъ тенденція! Значитъ, по мнѣнію Патканова, грузины до XII ст. были настолько невѣжественны, что не только не имѣли исторіи, но даже и не ощущали въ ней потребности,—и здѣсь

¹²⁾ См. Д. Бакрадзе: „Профессоръ Паткановъ и грузинскіе историческіе источники“.

опять выручилъ армянинъ, да притомъ несвѣдущій и невѣжественный! Насколько же невѣжественны и несвѣдуши должны были быть мы, грузины, что несвѣдущій и невѣжественный армянинъ сознавалъ потребность исторіи для насъ, у насъ же на это не хватало даже и сознанія! О, жалкіе грузины! Вѣчная память паткановскому невѣжественному и необразованному армянину, оказавшему милость и явившемуся къ намъ на помощь!

Такъ онъ честитъ насъ, стираетъ съ лица земли насъ, грузинъ,—да грузинъ какихъ временъ? Двѣнадцатаго вѣка, вѣка Тамары, вѣка разцвѣта Грузіи! И кто же? Профессоръ и представитель науки! Правда, онъ армянскій профессоръ, армянскій ученый, но неужели потому только, что онъ армянинъ, онъ не долженъ ни говорить, ни видѣть правды! Для чего же онъ умышленно жмурить глаза и не видитъ грузинъ XII и XI вв., т. е. того народа, цвѣтущее положеніе котораго еще въ началѣ перваго вѣка рисуетъ намъ Страбонъ, того народа, который съ давнихъ временъ устѣялъ свою страну храмами и монастырями поразительной архитектуры, того народа, который наполнилъ какъ Грузію, такъ и Грецію, и Палестину грузинскими сокровищами и манускриптами, того народа, который перевелъ составленную на пехлевискомъ языкѣ санскритскую повѣсть „Килила и Мана“ и „Вись-Раміани“ и создалъ величайшую поэму „Вепхвись-Ткаосани“ („Барсову кожу“), не говоря уже ни о чемъ другомъ. Кто только намѣренно не желаетъ закрывать глаза, кто сколько нибудь способенъ понимать суть прочитаннаго, развѣ осмѣлится сказать, что народъ, создавшій „Вепхвись-Ткаосани“, былъ настолько дикъ

и грубъ, что лишень былъ способности вознать необходимость исторіи! Кому взбредетъ въ голову вы- сказать такую мысль, какъ не армянскимъ философамъ и профессорамъ! Грузинская пословица — „о чемъ думала лиса на яву, то ей и снилось“ (მელას რაც აგონდებოდა, ის ესინებოდა), какъ разъ примѣнима къ грамотеямъ—армянскимъ ученымъ. Дай Богъ имъ благополучія! Мы же скажемъ: „сѣятелю плевель не сжать пшеницы острымъ серпомъ“ („ღვარდლის მთესველი ვერ მოჰკის იქელსა ბასრისა ცელითა“ ¹³). Положимъ, Паткановъ, какъ подобаеъ армянскому ученому, не изволилъ снизойти до прочтенія „Вепхвисъ-Ткаосани“, такъ какъ она—произведеніе грузина и притомъ такое, которое внушаетъ намъ, что „истинное правосудіе оживляетъ и сухое дерево“ ¹⁴). Подобная пословица не по вкусу лже-говорунамъ. Профессору же Патканову надо-ли было знать подобныя побасенки! Простимъ этому ученому профессору такое незнаніе и незнакомство съ „Вепхвисъ-Ткаосани“. Спросимъ только: какъ онъ рѣшается сказать, что „ваша „Картлисъ-Цховреба“ ни къ чему не годна“, когда компетентные въ этомъ извѣстные ученые Жанъ Сень-Мартенъ, Вивіенъ-Де-Сень-Мартенъ, Дюбуа де Монпере ¹⁵) ясно и отчетливо говорятъ, что грузинскія историческія сказанія заслуживаютъ вниманія какъ источники не только для исторіи Кавказа, но и Азии. При этомъ

¹³) Грузинская пословица.

¹⁴) Слова Шота Руставели „ქმნა მართლისა სამართლისა ზესა შეიქმნს ხმელისა ნედლოდ“. *Примѣч. перев.*

¹⁵) S. Mart. „*Mem. sur l'Arm.*“ II, p. 190. W. S.-Mart. „*Recherches sur les peupl. de Caucase*“, p. 78—79, Du Bois de Montp. „*Voyage autour de Caucase*“, 62—63.

Дюбуа упоминаетъ о грузинахъ, какъ о древнѣйшей націи, которая съ незапамятныхъ временъ была стражей Закавказья и имѣла сношеніе со всѣми извѣстными тогда народностями.

Ученый армянинъ и имъ не вѣрить, мнѣніе ихъ игнорируетъ и продолжаетъ галдѣть по своему. Вѣдь мы же сказали: „Мечта Али—это пловъ“ (აღიას ღარდო—ფლავი) ¹⁶⁾. Въ подтвержденіе словъ своихъ онъ приводитъ свидѣтельства Сенковского, Коха, Ланглуа. Насколько авторитетны, компетентны въ подобномъ дѣлѣ Сенковский и Кохъ, изъ коихъ послѣдній извѣстенъ какъ ботаникъ, но никакъ не историкъ, предоставимъ на судъ правдолюбиваго Патканова. Ланглуа же—достойный уваженія ученый. Замѣчательно же въ данномъ случаѣ,—что, впрочемъ, неудивительно со стороны ученаго армянскаго грамотея,—слѣдующее: оказывается, что и Ланглуа того же мнѣнія о нашей „Картлисъ-Цховреба“, какого Сень-Мартенъ и другіе ¹⁷⁾. Правдолюбивый же Паткановъ сказаніе его перекроилъ на свой вкусъ, по своему желанію. По мнѣнію Ланглуа, совершенно справедливому, начало „Картлисъ-Цховреба“ сказочное, мифологическое. Эти Картлосы, Кахосы и всѣ имъ подобные, понятная вещь, должны быть отнесены къ области мифовъ,—а у какого народа на земномъ шарѣ исторія не начинается мифами?! Вотъ что говоритъ Ланглуа, а не то, чего Паткановъ жаждетъ! Со стороны

¹⁶⁾ Груз. пословица, соотвѣтствующая русской: „у голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ“. *Примѣч. переводчика.*

¹⁷⁾ *Langlois: „Essai de classification de suites moneteres de la Georgie“ 1860, стр. 3—10.*

покойнаго это не первый и не послѣдній примѣръ фальсификаціи. Мы еще и дальше увидимъ это, а пока скажемъ, что съ такой же безцеремонностью онъ обращается съ Стефанозомъ Орбеліани. Въ одномъ своемъ примѣчаніи этотъ чистосердечный армянскій профессоръ доказываетъ, что „грузинская литература бѣдна старыми источниками“ и что самъ Стефанозъ будто-бы жалуется на этотъ пробѣлъ XIII в. На дѣлѣ же оказывается, что Стефанозъ жалуется не на то, что грузинскіе источники вообще бѣдны, а на то, что „Картлисъ-Цховреба“ мало даетъ свѣдѣній о фамиліи Орбеліани, что-де „мы, пересмотрѣли разбросанные по разнымъ мѣстамъ и сохранившіеся документы и лишь вотъ это немного нашли“. Очевидно, Стефанозъ жалуется не на скудость всѣхъ вообще грузинскихъ источниковъ, а на то, что въ грузинскихъ лѣтописяхъ о фамиліи Орбеліани не имѣется полныхъ свѣдѣній. Стефанозъ — біографъ фамиліи Орбеліани, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ жалуется на наши источники именно въ этомъ отношеніи. Напротивъ, Стефанозъ очень часто упоминаетъ о грузинскихъ историческихъ сборникахъ и царскихъ архивахъ. Такимъ образомъ, ученый армянинъ Паткановъ мнѣніе Стефаноза обобщилъ, передалъ по своему и недостатокъ, касающійся частнаго случая, перенесъ на всѣ наши историческіе источники. У кого же есть желаніе еще болѣе убѣдиться, на какія продѣлки способенъ Паткановъ, пусть прочитаетъ соч. Д. Бакрадзе: „Профессоръ Паткановъ и грузинскіе источники“. Тогда онъ еще яснѣе увидитъ, съ какимъ мастерствомъ поступилъ съ произведеніями Ланглуа и Стефаноза этотъ чудный

армянскій профессоръ. Д. Бакрадзе, обвиняя въ этомъ хитроумнаго профессора, приводитъ множество фактовъ; между прочимъ, онъ доказываетъ и то, что грузинскія хроники имѣли, напротивъ, вліяніе на историческіе источники самихъ армянъ. Кто этому не повѣритъ, просимъ прочесть и подвергнуть выше-сказанное сочиненіе Д. Бакрадзе основательной критикѣ.

Такъ храбрый профессоръ пошелъ войною на нашу „Картлисъ-цховреба“, на этотъ основной документъ исторической нашей самоличности и того или другого историческаго нашего житья-бытья, чтобы, подкопавшись подъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть нищъ и все наше прошлое и настоящее. Правда, онъ замахнулся на насъ дубиною, но десять ударовъ нанесъ себѣ, а одинъ едва-ли намъ. Правъ Паткановъ или нѣтъ, разборъ этого мы теперь не занимаемся. Мы лишь желаемъ представить картину тѣхъ боевыхъ при-емовъ, къ которымъ армянскіе ученые прибѣгаютъ, чтобы стереть насъ съ лица земли.

III.

Паткановъ не ограничился приведеннымъ выше,—и, правду сказать, онъ, какъ знаменосецъ армянскихъ ученыхъ грамотеевъ, иначе и не могъ поступить: это было бы нарушеніемъ разъ навсегда намѣченной программы. ↵

Неимѣніе грузинами историческихъ хроникъ не составляетъ особеннаго преступленія и не можетъ служить доказательствомъ злонравія народа. Нѣкоторые иностранцы считаютъ насъ за добродушную націю, людьми съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, при встрѣчѣ

любезными, пріятными и вѣжливыми. Дѣйствительно-ли мы таковы или нѣтъ—не намъ судить.

Армянскіе же ученые, кажется, позавидовали намъ и въ этомъ, какъ будто не въ ихъ интересахъ было бы, чтобъ люди вообще были о насъ хотя въ этомъ отношеніи добраго мнѣнія, и задумали и здѣсь намъ повредить, помѣшать. Паткановъ, обвиняя насъ въ фанатизмъ, какъ бы тѣмъ хочетъ сказать: „Кто вамъ сказалъ, что грузины добродушны“! Да, онъ увѣряетъ весь свѣтъ, что грузины—фанатики, т. е. что они не терпятъ людей другой націи, другого вѣроисповѣданія, что они гонители ихъ.

Въ доказательство этого онъ приводитъ одну какую-то басню изъ временъ царицы Тамары. Фанатизмъ, разумѣется,—зло, плодъ невѣжества и умственной неразвитости. Такъ какъ же пожалѣть армянскому книжнику для насъ такой добродѣтели!

Быть можетъ, мы и злонравны, и злопамятны, заражены и фанатизмомъ—мы и объ этомъ не будемъ спорить. Но если армянскій профессоръ обвиняетъ насъ въ фанатизмъ, то, очевидно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы показать, что армяне неповинны въ этомъ грѣхѣ, что мы, одни грузины, но не армяне, невѣжественны и злонравны. Посмотримъ—такъ-ли это и нѣтъ ли и здѣсь какого либо подвоха, фокуса со стороны этого грамотея.

Когда грузины признали постановленіе Халкиданскаго собора (495 г.), вслѣдствіе чего воспослѣдовало раздѣленіе грузинской и армянской церквей, армяне созвали въ Двинѣ особый соборъ, въ силу постановленія котораго ихъ патріархъ Авраамъ изрекъ такое письменное проклятiе на грузинъ: „Мы прокляли и

повергли ницъ грузинскаго католикоса Киріона, а относительно грузинъ повелѣваемъ, чтобъ армяне съ этого дня не имѣли никакого общенія съ ними,—ни при молитвѣ, ни при ѣдѣ и питьѣ, ни по дружбѣ, ни по воспитанію дѣтей; да не дерзнетъ никто изъ армянъ пойти ни во Мцхетъ, ни на Манглисъ на поклоненіе славному кресту, пусть не позволяютъ имъ (грузинамъ) посѣщать наши храмы, избѣгаютъ вступать съ ними въ брачныя связи. Разрѣшается лишь имѣть съ ними, какъ съ евреями, торговыя сношенія. Кто нарушитъ это постановленіе, да будетъ проклятъ тѣломъ, душою и всей своей жизнью“.

Объ этомъ повѣствуетъ армянскій историкъ Каганкатвази. Исторія его относится къ IX в. и переведена по-русски самимъ же армянскимъ профессоромъ Паткановымъ. Это высоконравственное и гуманное соборное постановленіе высшаго армянскаго духовенства изложено въ этой самой исторіи. Будь на свѣтѣ справедливость, развѣ имѣющій въ рукахъ такое фанатическое постановленіе главы армянской церкви дерзнулъ бы заикнуться о фанатизмѣ другихъ?! Почему онъ хранить такое достойное похвалы молчаніе о такомъ изъ ряду вонъ выходящемъ фанатизмѣ, развѣ онъ заговорилъ объ этомъ предметѣ?

Развѣ послѣ этого не правъ Д. Бакрадзе, говоря о Паткановѣ: „Общепризнанные факты грузинской исторіи г. Паткановъ или замалчиваетъ, или если и приводитъ, то въ искаженномъ видѣ, чтобы набросить тѣнь какъ на историческіе памятники грузинъ, такъ и на нравы нашихъ предковъ“. Если профессора, составляющіе гордость и славу армянъ, не гнушаются подобными пріемами передѣлокъ и перederжекъ,

то чего же ожидать отъ прочихъ армянъ, имѣющихъ одни пустые дипломы, кичащихся и прожужжавшихъ ими намъ уши!

Такимъ образомъ, пряткій профессоръ якобы изорвалъ нашу историческую лѣтопись („Картлис-Цховреба“) и клочки бросилъ намъ въ лицо, опорочилъ престижъ нашъ, оповѣстивъ міръ, что будто неучъ и невѣжественный армянинъ, т. е. послѣдній изъ нихъ стоялъ умственно выше грузинъ даже въ періодъ духовнаго развитія Грузіи и возвелъ на насъ обвиненіе въ фанатизмъ. Не довольствуясь этимъ, онъ счелъ нужнымъ подступить къ намъ и съ другой стороны. Вырвавъ душу, онъ сталъ вырывать и куски изъ нашего тѣла. Если-бъ онъ не нанесъ намъ удара и съ этой стороны, то измѣнилъ-бы первому и послѣднему пункту программы армянскихъ грамотеевъ, а такой ответственности, такого грѣха онъ не позволилъ бы себѣ взять съ собою на тотъ свѣтъ.

Признано исторической истиною, что „мушеки“ египтянъ, библейскіе „мосохи“, или „мосхи“, нынѣшніе „месхи“, „тиберы“ Геродота, „тиберы“ и „ко-ли“ Страбона составляли одно родственное племя съ грузинской націею. Также извѣстно, что это грузинское племя съ давнихъ временъ занимало въ Малой Азіи все пространство, со включеніемъ р. Галиси до береговъ Чернаго моря, и всю восточную сторону этого моря, а также всѣ мѣста, лежащія между Курою и Араксомъ. Ясно, что если кому либо угодно будетъ присвоить ихъ себѣ или лишить грузинъ права собственности на нихъ, то онъ поставленъ будетъ въ необходимость доказывать, что вышепоименованныя племена не были родственны грузинамъ. Такъ и посту-

пиль нашъ смѣлый профессоръ: онъ клянется и бо-жится, что „мосхи“ и „колхи“ не родственныя грузи-намъ племена, доказательства же на это у дивительное увѣреніе никакого не представляетъ. „Дитятко, зачѣмъ плачешь?“—„Сходить съ рукъ, потому и плачу“ ¹⁸⁾ („ბაღღო, რად სტობოო? ვაძღის რა ჯობოო“), говорит-ся въ такихъ случаяхъ.

Такимъ же образомъ онъ захватываетъ и Таосъ-Қари, нынѣшній Чорохскій бассейнъ, несмотря на то, что иностранные лѣтописцы, напр. Константинъ Порфирогенъ (911—959 г.), свидѣтельствуютъ, что ранѣе X в. Чорохскій бассейнъ принадлежалъ грузинскимъ Багратидамъ и что, молъ, оттуда они заняли Эрзерумъ и другія части Арменіи. Хотя бы и этого не было: весь Чорохскій бассейнъ полонъ грузинскими храмами и монастырями съ грузинскими надписями, и нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ VIII—IX вв. Всѣ эти неподкупные свидѣтели описаны армянскимъ же монахомъ (вардапетъ) Саргисіаномъ, изслѣдованы Броссе и напечатаны въ академическихъ мемуарахъ. Этотъ же самый Саргисіанъ, посѣтившій Чорохскій бассейнъ въ 1843—1853 гг., съ прискорбіемъ заявляетъ, что онъ „не имѣлъ возможности списать во множествѣ имъ видѣнныя тамъ грузинскія надписи“ ¹⁹⁾. Абихъ, Ханыковъ и тотъ же самый Кохъ, на котораго въ одномъ случаѣ ссылается Паткановъ, подтверждаютъ то же самое.

Такъ или иначе, Паткановъ идетъ еще дальше

¹⁸⁾ Груз. пословица. *Примѣч. переводчика.*

¹⁹⁾ См. Д. Бакрадзе: „Археолог. пут. по Гуріи и Аджаріи“, стр. XIV.

и разъ вошелъ во вкусъ присвоенія чужого, такъ уже удержу ему нѣтъ: онъ протягиваетъ руки и къ *Тчанети* (ժանետի), по Моисею Хоренскому *Джавени*, т. е. къ Халдеѣ, — она, молъ, составляла часть Армянскаго царства. „Когда и гдѣ объ этомъ писано?“ — спрашиваетъ Д. Бакрадзе смѣлаго и съ разгулявшимъ аппетитомъ армянскаго профессора. И онъ правъ. Если Моисей Хоренскій пишетъ, что, молъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назывались Халдеею, почти за двѣ тысячи лѣтъ назадъ жили армяне, такъ вѣдь въ настоящее время всякому извѣстно, что это басня. Равно всѣмъ извѣстно и то, что патріархъ армянскихъ историковъ не настолько заслуживаетъ довѣрія, славы и величія, какъ армяне полагаютъ.

Ленорманъ, признанный всѣми авторитетнымъ ученымъ, вотъ что говоритъ: „За неопровержимую истину должны мы принять, что у армянъ не существуетъ никакого національнаго преданія до Тиграна Перваго, современника Кира. Повѣствованія о событіяхъ до этого періода времени, всѣ рассказы армянскихъ писателей имѣютъ источникомъ сочиненіе Моисея Хоренскаго, которое ни что иное какъ простая копія съ компіляціи лживаго повѣствователя Маробазы Катина. Этотъ господинъ Катина жилъ въ первомъ вѣкѣ христіанства, занимался литературой, принадлежалъ къ едесской школѣ и вотъ онъ то и составилъ компіляцію, въ которую внесъ больше лжи, нежели правды, и все это онъ построилъ по образцу хронологической системы Ктезія; не говоря ни о чемъ другомъ, одно подражаніе этой системѣ должно уже было испортить дѣло, должно было отдалить его отъ истины. Дабы обмануть легковѣрнаго читателя, Ка-

тина прибѣгъ къ такой хитрости: компиляцію свою онъ отнесъ ко времени Александра Македонскаго. Подобныя продѣлки были сильно распространены во время Катина, такими фальсификаціями наводненъ былъ весь міръ“ ²⁰⁾).

Мы не потому приводимъ здѣсь основанное на фактахъ мнѣніе Ленормана, чтобы скомпрометировать Моисея Хоренскаго въ глазахъ его соплеменниковъ. Но отсюда послѣ вылупилась такая штука, что мы еще разъ убѣдились, какіе похвальные нравы и тактическіе приемы присущи вообще всѣмъ грамотеямъ армянскимъ и знаменосцу ихъ Патканову въ частности. Такое свое мнѣніе, нынѣ всѣми принятое, о Моисеѣ Хоренскомъ г. Ленорманъ высказалъ въ 1871 году. Нечего и говорить, что оно, должно быть, было не совсѣмъ пріятно хвалителямъ и величателямъ Моисея Хоренскаго. Что же имъ оставалось дѣлать? Не карлику же было сразиться чуть ли не съ Голиафомъ науки—съ Ленорманомъ! А если бы онъ даже дерзнулъ на это, то что бы онъ выигралъ? А какъ тутъ вывернулся Паткановъ? Вотъ гдѣ зарыта собака! Вышло, что „разъ горитъ у тебя саманникъ, погрѣй хоть руки“ ²¹⁾. И онъ погрѣлъ дѣйствительно!

Паткановъ притворился глухимъ, какъ будто ни Ленормана не существуетъ, ни высказаннаго имъ мнѣнія о Моисеѣ Хоренскомъ, и, спустя довольно долгое время, когда мнѣніе Ленормана уже было

²⁰⁾ См. Ленормана „Ассириологическія письма“ 1-я серія, письмо 2-е.

²¹⁾ Грузинская пословица—„ხაბელო რო გეწოდეს, ხელები ჯიბიბე“. *Примѣч. перев.*

выяснено, приступилъ, какъ будто по собственной инициативѣ, къ критическому разбору Моисея Хоренскаго, какъ будто онъ самъ напалъ на то мнѣніе о Моисеѣ Хоренскомъ, которое уже было высказано раньше Ленорманомъ. Такимъ образомъ, онъ чужое выдалъ за свое, онъ вновь открылъ уже открытую Америку и, подбоченясь, сталъ взирать на всѣхъ съ высоты своего величія. Какъ вамъ нравится подобный поступокъ? Если онъ не по вкусу, то послушайте - ка громотеевъ-сотоварищей Патканова, что они говорятъ объ этомъ присвоителѣ чужого открытія, объ этомъ смѣльчакѣ профессорѣ, облекшемся въ чужую одежду: „Самымъ капитальнымъ историческимъ трудомъ Патканова былъ именно этотъ трудъ“²²⁾. Говорятъ же: „люди сами разберутъ—кто правду говоритъ, кто лжетъ“²³⁾. Брешеть, выдумавшій эту поговорку!

Если это дѣйствительно наикапитальнѣйшій трудъ Патканова, то каковъ же долженъ быть не капитальный?! Объ этомъ спросимъ другого ученаго, именно г. Марра, нынѣшняго профессора армянскаго языка въ с.-петербургскомъ университетѣ. „Я--ученикъ Патканова“,—заявляетъ г. Марръ съ гордостью. Защита наставника воспитанникомъ достойна похвалы, но и это недурно сказано: „достойнъ воспитатель побоевъ, когда воспитанникъ плохъ“²⁴⁾.

Г. Марръ хотя еще не пріобрѣлъ извѣстности

²²⁾ „Братская помощь“, стр. 604, изд. 2. -

²³⁾ Груз. послов: „კაცსა მართალსა თუ მტყუანსა, კაცნივე შეიტყობენ“ *Примѣч. перев.*

²⁴⁾ Груз. посл. „ცემა გმართებს გამზდელისა, თუ ყმა ნახო, ავად სრდილი დავითიანი Кн. Гурамова. *Примѣч. перев.*

продѣлками въ родѣ паткановскихъ, чего и не дай Богъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ идетъ по стопамъ его: ужасно пѣтушится, какъ бы грозясь „не пропустить птицы на небесахъ надъ собою и муравья на землѣ подъ собою“. Просмотрите-ка его бесѣду съ Акакіемъ Церетели ²⁵⁾ и вы увидите, какъ спѣсиво, словно пава, выступаетъ онъ впередъ, бахвалясь своею ученостью, съ какимъ апломбомъ трактуетъ, причисляя себя къ сонму наиученѣйшихъ людей. Въ послѣднее же время г. Гольмстремъ ²⁶⁾ рисуется намъ его чуть-ли не восходящимъ свѣтиломъ на горизонтѣ науки. Увидите, что послѣ этого „неба не хватитъ ему на шапку, а матери-земли на лапти“ ²⁷⁾. Хотя все это какъ то напоминаетъ пословицу: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“. Но, впрочемъ, намъ-то какое дѣло? Пусть ракъ тянется за конемъ, мы же слѣлаемъ свое ²⁸⁾.

По мнѣнію г. Марра, если существуютъ какіе либо зачатки культуры въ Грузіи, то чуть-ли не по милости армянъ ²⁹⁾. „Вздумай грузины отрицать это, пол-культуры ихъ, грузинъ, стинетъ,“ — говоритъ это вновь восходящее свѣтило науки. Быть можетъ, это вѣрно, не будемъ и въ этомъ ему возражать, такъ какъ мы и не думали заниматься празднымъ вопросомъ о томъ:

²⁵⁾ Извѣстный грузинскій поэтъ. *Примѣч. перев.*

²⁶⁾ См. „С. Петерб. Вѣдомости“ 1899 г., № 33.

²⁷⁾ Груз. пословица: „ცაქუდად არ მიიხნია და დედა-მიწა ქაღალბად“. *Примѣч. переводчика.*

²⁸⁾ Въ подлинникѣ приведена грузинская пословица, буквальный переводъ которой слѣдующій: черепаха высунула лапку: и я тоже въ табунъ — „კუმ ფეხი გამოყო, მეც ხახირ — ხახირი“. *Примѣч. перев.*

²⁹⁾ „Братск. пом.“, стр. 562, изд. 2-е.

грузины культурнѣе армянъ или наоборотъ. Пусть трактуютъ о подобныхъ вещахъ бездѣльники, мы же далеки отъ такого пустословія. Мы хотимъ лишь сказать, что когда такіе ученые, какъ Марръ, проповѣдываютъ подобныя вещи, то должны подтверждать слова свои доказательствами.

Г. Марръ коснулся своимъ острымъ мечемъ даже языка нашего. Обиліе словъ въ языкѣ—признакъ обилія понятій въ народѣ, и когда историческія обстоятельства приводятъ въ соприкосновеніе одинъ языкъ съ другимъ, то слабѣйшій оставляетъ на себѣ отпечатокъ вліянія болѣе культурнаго языка.

Неужели съ этой цѣлью, съ такимъ намѣреніемъ г. Марръ говоритъ намъ, что грузинскій языкъ усвоилъ себѣ много армянскихъ словъ, и тѣмъ какъ-бы издалека намекаетъ, что это еще одинъ доводъ въ пользу культурности армянъ и вліянія ихъ культуры на грузинъ!

Станъ—„банаки“, „спетаки“—бѣлый, „жамы“—время, „калаки“—городъ, „сенаки“—келья, „карми“—хорошій, „тцеси“—порядокъ, „матіанэ“—лѣтопись, „пативи“—почеть, „тчешмарити“—истина и много другихъ словъ—всѣ чисто, молъ, армянскія, вошедшія въ составъ грузинскаго языка. Можетъ быть, это справедливо, но Богъ вѣдаетъ—грузины-ли позаимствовали эти слова у армянъ или наоборотъ. Мы здѣсь не будемъ утверждать ни того, ни другого. Только насъ удивляетъ такъ категорически высказанное мнѣніе о томъ, о чемъ еще бабушка надвое сказала, и почему г. Марръ повелъ такіе разговоры?

Напротивъ, если только г. Ленорманъ достойный довѣрія ученый, если только лингвистъ Эженъ Бурнуфъ пользуется, какъ увѣряетъ г. Ленорманъ, въ подоб-

ныхъ случаяхъ дѣйствительно непоколебимымъ авторитетомъ, то почему г. Марръ не обратилъ вниманія на нихъ, если не для того, чтобы довѣриться ихъ мнѣнію, то для возбужденія сомнѣнія въ томъ, о чемъ онъ самъ выразился такъ категорически и рѣшительно?

Ленорманъ говоритъ: „положительно установлено, что большая часть этихъ (грузинскихъ) словъ относится къ персидскому языку и вошла въ составъ грузинскаго сравнительно недавно и не по необходимости, а въ силу историческихъ обстоятельствъ. Остальная же часть грузинскихъ словъ существуетъ съ давнихъ временъ и, достовѣрно можно сказать, носить грузинскій характеръ, какъ это намъ доказалъ великій лингвистъ Эженъ Бурнуфъ“.

О древнѣйшихъ временахъ грузинскаго царства и культуры его упоминается въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ еще въ 1300 г. до Р. Х., какъ это ясно увидимъ ниже, объ армянахъ же и помину не было до конца VII в. до Р. Х. А если уже зашла рѣчь о языкѣ, то развѣ не болѣе основанія предположить, что армяне позаимствовали отъ грузинъ слова для пополненія недостающихъ у нихъ?

Допустимъ даже, что все это не такъ, что это предположеніе ошибочно и что нѣтъ на то никакихъ доказательствъ. Ученый Гетеріасъ, знатокъ грузинскаго и армянскаго языковъ,—не ученый же шарлатанъ! И онъ однако высказался, что не могъ ясно понять внутренняго значенія армянскаго языка, пока не выучился грузинскому, такъ какъ многіе корни армянскаго языка состоятъ изъ элементовъ грузинскаго, и безъ этого языка невозможно было ихъ объяснить

Высказанное г. Ленорманомъ и Раульсономъ мнѣніе, что вторженіе армянъ въ Арменію (въ концѣ VII в. до Р. Х.) поглотило много чего алародійскаго (грузинскаго), усиливаетъ доказательство мнѣнія, высказаннаго и Тетеріасомъ, и хотя на этомъ основаніи, по крайней мѣрѣ, г. Марръ долженъ былъ усомниться въ своихъ сужденіяхъ, а не издавать приказа, что это должно быть такъ, какъ ему угодно и какъ онъ наставленъ въ томъ своимъ менторомъ.

За все, сказанное г. Марромъ, мы не дадимъ гроша мѣднаго. Обогащеніе языка чужими словами скорѣе можетъ возвысить, нежели унижить націю. Русское слово „очагъ“ и наше „оджаги“—монгольское слово, „башка“ происходитъ отъ татарскаго или персидскаго „башъ“, „сакля“—грузинское слово „сакли“, „религия“, „профессія“, „поэзія“, „литература“ и тысячи подобныхъ словъ—всѣ заимствованы изъ другихъ языковъ, но что же изъ этого? Въ англійскомъ языкѣ почти половина словъ французскихъ. Пусть-ка однако любой грузинъ или армянинъ попробуютъ похвалиться своими чистыми, яко бы самобытными языками передъ англичанами и доказывать имъ, что языки ихъ стоятъ выше англійскаго! Правда, поводъ къ подобному разглагольствованію г. Марру подалъ другой, но ему подобало знать, что разсуждать объ этомъ—значить толочь воду и больше ничего.

Г. Марръ и въ другомъ отношеніи дѣлаетъ попытку прогуляться насчетъ насъ, какъ будто онъ имѣетъ на насъ зубъ и мститъ за что-то. Давно онъ грозитъ: дайте лишь время, я изорву въ клочки вашу пресловутую поэму „Барсовую кожу“ (Вепхись-Ткао-

сани)³⁰⁾; я предполагаю, что въ Англіи есть-де манускриптъ, найду его и докажу вамъ, что пресловутая эта поэма ваша или переведена, или заимствована отсюда. О, великій Руставели, о, гордость наша! Ты оказываешься простымъ воришкой, подобно армянскимъ проидохамъ книжникамъ, выдалъ чужое за свое! А мы-то тебя какимъ великимъ человѣкомъ считали! Гордились твоимъ именемъ и славой! Г. Марръ, которому, какъ самомнящему ученому, самъ чортъ не братъ, не простой же смертный, чтобы напрасно пригрозить и не знать, что „слово, какъ стрѣла, спущенная съ тетивы, не можетъ вернуться назадъ“³¹⁾. Погрозился и вотъ... съ того дня прошло уже семь-восемь, если не больше, лѣтъ, но угроза осталась угрозой. Г. Марръ отлично знаетъ, какое безцѣнное сокровище для насъ поэма „Барсовая кожа“ (Вепхись-Ткаосани), отлично знаетъ, какая она опора для нашего народного самолюбія, гордости. Слѣдовательно, если кому нужно нанести смертельный ударъ и отнять у насъ опору нашей славы и гордости, то лучше всего подойти именно съ этой стороны. Если не этимъ, то какимъ душевнымъ побужденіемъ, съ психологической точки зрѣнія, можно объяснить такую неводержанную угрозу и бахвальство ученаго?

Пристойно-ли, не имѣя еще въ рукахъ никакихъ данныхъ, не разсмотрѣвъ ихъ и не зная навѣрное—

³⁰⁾ Извѣстная поэма Шота Руставели—современника париды Тамары (XII в.) *Примѣч. перев.*

³¹⁾ Груз. пословица: „ისარი და პირით სიტყვა, რა გაიტყობო, არ მობრუნდეს“. *Примѣч. перев.*

существуютъ-ли они гдѣ либо на свѣтѣ, предать поруганію истинно великаго человѣка того или другого народа, оскорбить почти святая святыхъ его, которымъ онъ восторгается и которымъ онъ не налюбуется въ продолженіе почти семи-восьми столѣтій? И все это продѣлать на основаніи лишь того, что профессору Марру приснилось, что въ Англіи существуетъ какой-то манускриптъ, въ дѣйствительности не существующій!

Пристойно-ли потрепть, пошатнуть фундаментъ славнаго памятника, въ который народъ вложилъ свое горе и свою радость, свою душу, свои лучшія помышленія, чувства?!...

Пристойно-ли? Еще разъ повторяемъ,—будь у г. Марра въ рукахъ данныя, кто осмѣлился бы пикнуть слово,—кто пошелъ бы противъ истины?! Но если бы истина и причинила намъ горе, мы почти-тельно и съ благоговѣніемъ склонили бы голову предъ нею. Но дѣло въ томъ, что профессоръ въ глаза не видѣлъ документовъ, да и какъ могъ видѣть то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ и что лишь существуетъ въ разгулявшемся воображеніи г. профессора! И несмотря на это, все-таки онъ рѣшился сказать: „задамъ же я вамъ трепку! Мнѣ такъ пригрезилось, во снѣ я видѣлъ, что тѣ данныя существуютъ въ Англіи“. Если дѣйствительно все это не пригрезилось ему, то гдѣ же обѣщанныя имъ документальныя данныя? Что ихъ поглотило? Если они не могли быть найдены, то гдѣ же тотъ благородный порывъ, достойный вполнѣ истиннаго ученаго, заставляющій

сознаться: „ошибся и каюсь“ ³³⁾). Правда сказано: „Отъ совы нельзя ждать соколиныхъ птенцовъ“ ³⁴⁾).

Ну какъ не возмутиться такимъ нахальнымъ и непростительнымъ поступкомъ?! Хотя опасаемся, но все таки скажемъ: неужели такой великій ученый, какимъ, вѣроятно, г. Марръ считаетъ себя, не сказалъ правды? И если не сказалъ, зачѣмъ онъ такъ поступилъ съ нами? Зачѣмъ было обращаться къ намъ съ такою смѣлою угрозою, а если ужъ онъ погрозилъ, то почему не исполнилъ угрозы своей? Какой интересъ г. Марру силиться вырвать у насъ изъ рукъ наше сокровище и съ этою цѣлью замахиваться тупой и зазубренной шашкой? Ради чего, не имѣя въ рукахъ никакихъ данныхъ, въ силу только своего собственного соображенія, онъ старается лишить насъ поэмы „Барсовая кожа“ (Вепхисъ-Ткаосани)? Кому этотъ народный памятникъ достоинствъ грузинъ служить бѣльмомъ на глазу, что г. Марръ съ такимъ самоотверженіемъ старается снять его? Отгадайте вы сами, мы же давно знаемъ, что „быкъ, привязанный около другого быка, перейметъ отъ него или цвѣтъ, или нравъ“ ³⁵⁾).

IV.

Дѣйствія армянскихъ книжниковъ - грамотеевъ похожи на большую рѣку: чѣмъ дальше и дальше

³³⁾ Груз. пословица: „სოფლის ნადიმთა მჯღომელი სოფელსაივითვე ჰრელი“. *Примѣч. перев.*

³⁴⁾ Груз. пословица: „ბუისიან ნუ გამოელი ბოლო-კარკაზის ბუდესა“. *Примѣч. перев.*

³⁵⁾ Груз. пословица: „ხარი ხართან დააბი, ან ფერს იცულის, ან ზნესაო“. *Примѣч. перев.*

идешь въ воду отъ берега, тѣмъ глубже и глубже погружаешься въ нее, яснѣе и яснѣ видишь длину и ширину ея. Смѣлость, нахальство ихъ день ото дня увеличиваются болѣе и болѣе, смѣлѣе и смѣлѣе начинаютъ они восхвалять себя и все болѣе и болѣе безцеремонно обращаться съ нами. Нигдѣ такъ ясно не обрисовывается разъ навсегда принятая ими программа дѣйствій, усвоенная хитрость и пронырливость, какъ въ одной европейской газетѣ, въ которой по порядку перечислено все, могущее служить къ возвеличенію и прославленію армянъ и къ униженію грузинъ, внушенное, очевидно, этими учеными грамотеями. Здѣсь уже эти господчики ничѣмъ не стѣсняются, не брезгаютъ. Они явно и откровенно пускаютъ въ ходъ такія продѣлки и средства, одна мысль о которыхъ должна вызывать краску стыда на лицѣ всякаго человѣка, будь онъ армянинъ или кто другой.

Во время послѣдней войны, именно въ 1877 г., французская газета „Temps“ прислала въ нашъ край корреспондента, по имени Кутули. Посылаемая имъ отсюда корреспонденція печаталась въ ней въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Вотъ что пишетъ этотъ Кутули по поводу того, въ чьи руки онъ попалъ еще тогда, когда, на пути къ намъ, не успѣлъ еще проѣхать отъ Владикавказа одну станцію. Еще въ Балтахъ ³⁵⁾ встрѣчается съ нимъ намѣренно или случайно одинъ артиллерійскій офицеръ, шушинскій армянинъ. Онъ сажаетъ француза-корреспондента съ собою въ „повозку“ и привозитъ въ Тифлисъ. О

³⁵⁾ Первая почтовая станція отъ Владикавказа къ намъ.

чемъ этотъ офицеръ бесѣдовалъ по дорогѣ—неизвѣстно намъ. Надо думать, что онъ ничего особенно хорошаго не сообщилъ бы о насъ. Это основываемъ на томъ, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Тифлисъ офицеръ этотъ повелъ своего новаго гостя къ нынѣ покойному Арцруни, редактору „Мшака“, который, по словамъ Кутули, „былъ главой либеральной партіи, и хотя онъ не духовнаго сана, но среди армянъ игралъ ту же роль, какую Деллингеръ и отецъ Гіацинтъ—среди католиковъ, и лучше самого патріарха понимаетъ армянское священное писаніе“.

Нечего и говорить, что г. Кутули не проэкзаменовалъ бы католикоса армянъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ категорически заявляетъ, что это, молъ, такъ. Откуда и какъ онъ узналъ о преимуществѣ Арцруни предъ уважаемымъ патріархомъ? Очевидно, или самъ Арцруни пустилъ пыль въ глаза, или другой кто нибудь, съ цѣлью закрыть иностранцу глаза и не дать ему возможности самому присмотрѣться къ окружающему. Очевидно, или самъ Арцруни, или кто либо другой постарался вбить въ голову новопріѣзжему французу такую невѣроятную вещь съ цѣлью увеличить въ глазахъ его авторитетность Арцруни, чтобы Кутули легче могъ довѣриться такому мудрецу и видѣть только то, на что укажетъ этотъ Деллингеръ и Гіацинтъ армянъ. Нечего и говорить, никто не сомнѣвался, что если онъ что либо и укажетъ, то укажетъ какъ слѣдуетъ поразъ намѣченной программѣ и лицомъ въ грязь не ударить.

Повѣдали ему и то, что г. Арцруни прежде всего просвѣтился и набрался учености въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ и въ концѣ концовъ въ Гей-

дельбергъ и что онъ-де очень свѣдушъ въ философіи. Дабы еще болѣе возвеличить этого всесторонне образованнаго философа, надѣлили его еще однимъ великимъ качествомъ, именно тѣмъ, что братъ его въ Германіи профессоромъ. Хотя профессорство брата не особенно вѣская рекомендація для непрофессора брата, но, тѣмъ не менѣе, и это не было упущено изъ виду для вящаго возвеличенія Арцруни. Вотъ какъ они раздули Арцруни, — хотя бурдюкъ раздуваютъ тогда лишь, когда онъ пустой. Они постарались такъ подготовить иностраннаго гостя, чтобы каждое слово Арцруни послѣ принималось имъ за червонное золото. Нечего и говорить, что легковѣрный французъ попалъ въ сѣти и, какъ эхо, повторялъ, безъ провѣрки, безъ разслѣдованія, все то, что ему было внушаемо. Вникните-ка въ встрѣчу на почтовой станціи Балта и во всю эту исторію, и вы убѣдитесь, на какіе продѣлки и фокусы они способны, чтобы только околпачить и перетянуть на свою сторону иностранца. Это однако цвѣточки, ягодки будутъ послѣ.

Окруживъ себя такимъ ореоломъ, Арцруни сначала ведетъ Кутули въ тифлисскую городскую думу, которую онъ, Кутули, величаетъ маленькимъ парламентомъ, члены же управы корреспонденту мерещутся министрами, а Арцруни съ своею либеральною партіею — оппозиціею. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Кутули обходитъ всѣ армянскія церкви. Прекрасныя и дорогія облаченія армянскихъ священниковъ поразили Кутули. И для какого же лучшаго дня они сберегли бы ихъ?! Затѣмъ онъ повезъ этого иностраннаго гостя въ армянскія школы. Кутули отзывался съ похвалою о пре-

красныхъ глазахъ армянокъ-ученицъ, хотя вообще насчетъ ихъ красоты извиняется, — *ragdon*, *моль*.

Покойный Арцруни вводитъ Кутули въ армянскій интеллигентный кружокъ. Кутули поименно называетъ всѣхъ, съ которыми Арцруни познакомилъ его, — но намъ незачѣмъ перечислять ихъ. Достаточно знать, что Арцруни ввелъ своего новаго пріятеля въ армянскій кругъ. Пошли въ честь его обѣды, ужины, кутежи, пиры въ садахъ, домахъ, распѣвали ему пѣсни, романсы Кутули жалуется, что разъ онъ вернулся домой съ одного изъ подобныхъ кутежей до такой степени навеселѣ, что не въ силахъ былъ взять перо въ руки: такъ всѣ мысли у него перепутались. На всѣхъ пирахъ, на какихъ онъ бывалъ, его угощали армянскими кушаньями, которыя очень понравились желанному гостю арцруневской либеральной партіи. Послѣ пригласили его въ Шиндиси на какой то храмовой праздникъ. Здѣсь уже французъ окончательно пришелъ въ восторгъ. Только одно его поразило: оказывается, всѣ бывшія на пирахъ и на богомольи женщины были „съ большими, какъ гора, носами“. Понятная вещь, либеральная партія Арцруни не рѣшилась бы допустить, чтобы такой недостатокъ присвоенъ былъ армянамъ, и не позволила бы Кутули протрубить по цѣлому міру объ этомъ. А чтобы иностранецъ не поставилъ въ строку армянамъ даже этотъ безобидный недостатокъ, скоро нашли и козла отпущенія ⁸⁶⁾ Толково и чистосер-

⁸⁶⁾ Въ подлинникѣ буквально такъ сказано: „нашли и низкій заборъ, черезъ который всякій можетъ перешагнуть“. (ճառալու ճառ). *Примѣчаніе переводчика.*

дечно объяснили ему, что всѣ эти носатые дамы, моль,—грузинки. И за то спасибо! По крайней мѣрѣ, того, что у нихъ лишнее, что имъ не нужно, не жалѣютъ для насъ, щедрой рукой преподносятъ намъ. На тебѣ, Боже, что намъ негоже! Какого же большаго доказательства расположенія вамъ нужно: даже носы свои отдаютъ изъ любви къ намъ.

Что было дѣлать попавшемуся въ разставленные сѣти вѣтрогону-французу? Все оказалось армянскимъ: парламентъ—армянскій, пиры и уѣселенія—армянскія, праздники—армянскіе, Деллингеры и Гиацинты—армяне, философы—армянскіе, кушанья—армянскіи гдѣ же? въ Тифлисѣ! Очевидно, здѣсь Арменія и Тифлисъ—городъ Арменіи. Какой же другой выводъ могъ сдѣлать такъ искусно опутанный пришелецъ?! И вотъ Кутули, восхищенный гостепріимствомъ армянъ, пока еще изъ Тифлиса никуда не отлучался, восклицаетъ: „Навѣрное, Эдемъ былъ здѣсь, въ Арменіи“! Такимъ образомъ, увѣрили европейскаго корреспондента, что Грузія, включая и Тифлисъ,—Арменія и вѣсть эту заставили его распространить по всему міру при посредствѣ такой почтенной и вліятельной газеты, какъ „Temps“!

Однако спросимъ: какой смыслъ въ такомъ смѣшномъ вѣроломствѣ, въ такой фальсификаціи? Отвѣтъ на это указалъ самъ Кутули. Онъ, оказывается, „торопился присутствовать при взятіи Карса“, но такъ какъ и самъ Кутули, и его новые друзья-пріятели желали выдвинуть вмѣстѣ съ великимъ восточнымъ вопросомъ и армянскій, то онъ остается въ г. Тифлисѣ, чтобы „ознакомиться съ положеніемъ здѣшнихъ народностей“. Ну и постарались ознако-

мать его: Тифлисъ и вся Грузія наше, молъ, обита-
лище, наша страна,—и разъ это дѣйствительно такъ,
кто же скажетъ послѣ этого, что армяне разсѣяны
и нѣтъ у нихъ территоріи для сплоченія?! Протяните
отсюда нить къ тому, что говорилъ Сенковскій, и,
хотя это представляетъ „дистанцію огромнаго размѣ-
ра“, вы найдете ключъ къ заданной намъ загадкѣ.
Какъ знать? Легко предположить, что Деллингеры и
философы армянскіе существовали и при Сенковскомъ.
Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что отецъ по-
хожъ на сына, а сынъ на отца. Каковъ батька, таково
и дитяtko.

Теперь рассмотримъ, что они внушили Кутули
о происхожденіи и житьѣ-бытьѣ здѣшнихъ народно-
стей. Мы говоримъ: „внушили“, потому что Кутули
пробылъ въ Тифлисъ такъ мало, что не могъ бы
усвоить даже названіе одной улицы, какъ же онъ
могъ ознакомиться съ положеніемъ населенія Кавказа,
будъ онъ даже съ такимъ же всесторонне развитымъ
философскимъ образованіемъ, какъ г. Арпуни! Что
все, переданное имъ въ газетѣ „Тепрс“, внушено ему
новыми друзьями, станетъ яснымъ, если вникнуть въ
самую тенденцію разсказа его.

По словамъ Кутули, въ Закавказьѣ живутъ пред-
ставители четырехъ національностей: армяне, грузины,
татары и русскіе. Неужели вы полагаете, что Кутули
будетъ трактовать объ этихъ четырехъ народностяхъ?
И не думайте! Лишь одни грузины были намѣчены
его армянскими друзьями, такъ какъ повторяю: „у Али
лишь пловъ на умѣ“. Лишь одно сопоставленіе гру-
зина съ армяниномъ—вотъ та игра, въ которой козы-
ри всегда, по странной прихоти судьбы, оказываются

въ ихъ рукахъ. Заставили же они его каркнуть, что Тифлисъ—Арменія; но и Тифлиса не довольно имъ, —необходимо заставить его сболтнуть, яко-бы и все Закавказье принадлежигъ армянамъ; и это желаніе, какъ увидимъ, исполнилось. Повѣдавъ Европѣ, что на Кавказѣ живутъ представители четырехъ національностей, Кутули далѣе говорить: хотя армянъ, молъ, въ настоящее время меньше, чѣмъ грузинъ, всего 600 т. (?), но въ концѣ настоящаго столѣтія число ихъ увеличится и ихъ станетъ больше послѣднихъ. А остальные націи? О татарахъ и русскихъ не упоминается ни слова, какъ будто не стоитъ говорить о нихъ, какъ будто они не могутъ быть приняты въ расчетъ. Не ясно-ли, что бѣльмомъ въ глазу служить лишь перевѣсъ грузинскаго элемента въ Закавказьѣ, что эти всесторонне-философски образованные, непрошенно суюшіеся не въ свое дѣло армянскіе Деллингеры и Гиацинты только и сияются снять это бѣльмо съ глаза. Кому взбредеть на умъ такой смѣхотворный процессъ увеличенія прироста армянъ и пониженія грузинъ тамъ именно, гдѣ кромѣ нихъ живутъ еще татары и русскіе?! Оставимъ и это и спросимъ: что это за непостижимая такая причина, въ силу которой въ продолженіе 23 лѣтъ меньшее число армянъ увеличится, а большее число грузинъ уменьшится?! И кому какая нужда въ Европѣ въ такихъ смѣшныхъ увѣреніяхъ? „Подождите, молъ, въ настоящее время армянъ мало, но въ продолженіе 23 лѣтъ вылупятся и выростутъ цыплята ихъ въ бывшихъ гнѣздахъ орлиныхъ и размножатся“! Къ чему, спрашивается, эта рѣчь объ этомъ обильномъ нарожденіи армянъ и вымираніи, вырожденіи грузинъ? Не очевидно-ли, по-

милости чьихъ продѣлокъ, жонглерства околпаченный чужестранецъ взболтнулъ смѣшную чушь: „постойте, армяне размножатся, а грузины переведутся“! Это и называется—„быть рабомъ своихъ вождѣлей“²⁷⁾.

Разъ новые друзья Кутули вздумали заставить его писать корреспонденціи на почвѣ превосходства армянской народности въ Закавказьѣ, то они, разумѣется, постарались вбить ему въ голову и другія прелести, для оглашенія по Европѣ. И Кутули, какъ эхо, повторяетъ внушенное ему—армяне составляютъ, молъ, на Кавказѣ „третье сословіе“ (Tiers états). Въ рукахъ ихъ,—говоритъ онъ,—торговля, всѣ ремесла, всѣ отрасли общественной дѣятельности. Они—врачи, адвокаты, люди свободныхъ профессій. У нихъ свои школы, журналы, свой маленькій парламентъ въ Тифлисѣ и проч. Въ настоящее время изъ нихъ многіе и на военную службу поступаютъ. Мадатовъ, Бebutovъ, Аргутинскій, Лорисъ-Меликовъ, Лазаревъ, Алхазовъ, Теръ-Гукасовъ—всѣми этими генералами снабдила, молъ, армянская нація русскую армію.

Извѣстный генералъ Лазаревъ — замѣчательный полководецъ; но онъ-де, вслѣдствіе зависти грузинскихъ князей, отставленъ и проживаетъ въ настоящее время въ Баку безъ дѣла²⁸⁾. Затѣмъ Кутули перечисляетъ всѣхъ, на которыхъ вновь испеченные друзья его указали ему, какъ на извѣстныхъ на поприщѣ наукъ, искусства и проч. Хотя эти знаменитые армяне

²⁷⁾ „Հայրենի եղբիւ Յըզղոմ, Գաղտնի“. *Примѣч. перев.*

²⁸⁾ Покойный Лазаревъ не былъ еще въ то время высланъ подъ Карсъ.

еще никѣмъ не признаны Голиафами въ области наукъ и искусствъ, но какое намъ дѣло оспаривать это! Мы и выше говорили—всего хорошаго армянамъ, хотябы они и представили его въ преувеличенномъ видѣ, дай Богъ, къ чести и славѣ ихъ! Но вдохновленный всѣмъ этимъ Кутули изрекаетъ такое пророчество: „будущее на Кавказѣ принадлежитъ армянамъ, сосѣдямъ же ихъ грузинамъ и татарамъ не остается ничего, какъ только обармяниться“. Вотъ гдѣ конецъ начала! Согласитесь, хорошее утѣшеніе! Не искусноли заставить такую вліятельную газету, какъ „Temps“, затянуть пѣсню въ такомъ тонѣ? Скажите, Бога ради, кому нужно было такъ одурачить несчастнаго Кутули, какъ не всесторонне развитымъ армянскимъ философамъ Деллингерамъ и Гіацинтамъ: вѣдь „дерево по плоду, плодъ по дереву познается“ ³⁹⁾).

„Нашъ народъ не любитъ поэзіи,—мы больше любимъ сужденіе и критику“. Такъ увѣряли чужестранца Арцруни и его цехъ, величаемый господиномъ Кутули „арцруневскою школою“. Не знаю насколько можно гордиться нелюбовью къ поэзіи, но великій Гете сказалъ: „тотъ варваръ, чьего сердца голосъ поэта не заставитъ трепетать“. Хотя Арцруни и его „школа“ не любятъ поэзіи, но, тѣмъ не менѣе, они не лишены большой фантазіи. По мнѣнію въ высшей степени всесторонне развитаго философа, армяне въ будущемъ составятъ царство, по словамъ Кутули ⁴⁰⁾, съ 30-ю милліонами подданныхъ. Не думаемъ, чтобы какой либо разумный армянинъ согласился съ такимъ необузданнымъ бредомъ всесторонне развитаго философа.

³⁹⁾ Груз. пословица „ხეობიგან ხეობი ხეობი იცნობებოა“.

⁴⁰⁾ См. „Temps“ 1877 г., іюля 30-го.

Мы убѣждены, что ни одинъ армянинъ, находящійся въ здоровомъ умѣ, не только не скажетъ, даже и не помыслить объ этомъ. Это стукотня расшатавшейся мельницы,—между армянами же или нѣтъ вовсе такихъ, а если и есть, то не стоитъ и говорить о нихъ. Это лишь болтовня бездѣльника, выжимающаго воду изъ свѣжаго и пока еще влажнаго сыра и увѣряющаго, что онъ выжимаетъ ее изъ камня. Все это глупый бредъ одного человѣка, и да простится ему это!

Допустимъ, что пророчество Кутули оправдалось бы: грузины и татары обармянились бы и превратились въ рабовъ армянъ. Вѣдь это будетъ каплею для образованія 30-милліоннаго армянскаго государства! Откуда же Арцруни общалъ собрать такое количество подданныхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ покойный философъ навѣрное унесъ съ собою въ могилу. Повторяемъ, мы приводимъ эту смѣшную исторію не потому, что повѣрили, будто кому либо изъ здравомыслящихъ армянъ тогда или теперь пришло что либо подобное въ голову, а потому, что у извѣстной группы армянъ, о которой мы говоримъ, вошло въ привычку трубить именно въ подобную трубу. Это подтверждаетъ и самъ Кутули. Онъ говоритъ намъ,—понятно, по внушенію армянскихъ Деллингеровъ,—что Арцруни и „его школа“ приняли, молъ, жирарденовскій девизъ: „слѣдуетъ кричать о себѣ“. Справедливость требуетъ сказать, что они дѣйствительно „кричать“ и съ успѣхомъ кричать! Какого же еще вамъ крика, когда „у нихъ и вата производитъ грохотъ, а у другихъ и орѣхъ даже не грохочетъ“ ⁴¹⁾).

⁴¹⁾ Груз. пословица: „მათი ბამბაც ჩხრილგებს და სხვისი ორც კაკლი“. *Примѣч. переводчика.*

Трубятъ-то они трубятъ, и довольно сильно, но иногда такъ затрубятъ, что, говоря по совѣсти, должны были-бы заткнуть свои уши и съ ужасомъ сказать себѣ: „Что за трескучую тарабарщину мы слышимъ!“ Навѣрное для того, чтобы показать Кутули, насколько армяне умны, насколько они успѣли приспособиться къ современнымъ требованіямъ жизни, они научили его нѣсколькимъ армянскимъ пословицамъ и, между прочимъ, слѣдующимъ: „Къ чему тебѣ знать, кто пекъ этотъ хлѣбъ. Если онъ вкусенъ, ѣшь, если даже его пекъ еврей“, или „гдѣ найдешь хлѣбъ, тамъ и селись“. Совершенно справедливо, что для такихъ мудрецовъ въ настоящее время большое поле дѣятельности; правда, что нынѣ тотъ и побѣждаетъ, кто слѣдуетъ подобнымъ заповѣдямъ, но врядъ-ли онѣ заслуживаютъ похвалы и гордости. Напротивъ, эти пословицы—позоръ создавшаго ихъ народа.

Съ давнихъ поръ христіанская религія учить: „Не пожелай... того, что принадлежитъ ближнему твоему“. Съ давнихъ поръ рядомъ съ этою заповѣдью идетъ по всему міру скромное, но достойное и облагораживающее челоѣка ученіе: „Не насыщайся чужимъ молокомъ, не облакайся чужою одеждою“. Не пожелай ничего чужого, довольствуйся своимъ—это краеугольный камень челоѣческихъ отношеній, это главная опора нравственности. Правда, если рядомъ съ этимъ ученіемъ привести грузинскую пословицу: „Что отдашь твое, чего нѣтъ,—потеряно“, или „давай щедро: вѣдь и моря и принимаютъ, и выпускаютъ воды“⁴²⁾),—

⁴²⁾ „ოადაცა გასცემ შენია, რაც არა დაკარგულია. უხვად გასცემდი: ზღვაშია შესდის და გაედინებდის“. Слова Шота Руставели, автора поэмы „Въ барсовой кожѣ“. *Прим. перев.*

то вышеозначенныя армянскія пословицы, по современному понятію, сочтутся доказательствомъ практическаго ума, грузинскія же—дурацкой расточительности; но Богъ знаетъ, что лучше, гуманнѣе: ѣсть-ли чужой хлѣбъ, или не жалѣть своего для бѣдняка? Кто знаетъ, какое зданіе крѣпче: основанное-ли на нравственныхъ началахъ, или на правилѣ: загребай, хватай чужое и ѣшь, разъ оно вкусно?

Такъ или иначе, но, будь мы на мѣстѣ Арцруни и либеральной школы его, мы не только не гордились-бы приведенными выше армянскими пословицами, но и другимъ заказали бы: „забудьте эти пословицы,—недостойно не только громко разглашать ихъ, но даже хранить въ сокровенныхъ помышленіяхъ. Но что дѣлать? У всякаго своя фантазія.

Вотъ, оказывается, подкладка того либерализма, знамя котораго держали „замѣчательно всесторонне развитые армянскіе философы“—Деллингеры и Гіацинты: „гдѣ увидишь, молъ, хлѣбъ, тамъ и селись“. Значитъ, родина, отечество, обиталища дѣдовъ и отцовъ нашихъ—пустыя слова, одни звуки! Мы не обвиняемъ въ эгомъ всѣхъ армянъ, но да будетъ извѣстно грамотеямъ-ученымъ ихъ, что „иной разъ лучше сказать, нежели смолчать,—другой же разъ, сказавъ, повредишь дѣлу“ ⁴³⁾.

V.

Мы уже видѣли, какъ мастерски воспользовались армянскіе книжники легковѣріемъ иностранца для рас-

⁴³⁾ Шота Руставели „ზოგჯერ თქმა სჯობს, ვინა თქმა-სა, ზოგჯერ თქმითაც დაზარდვ იბ“. *Прим. перев.*

пространенія молвы и славы о величїи Арменїи. Посмотримъ теперь, сквозь какой строй они провели передъ нимъ грузинъ. Не поступи такъ армянскіе ученые мужи, они бы не имѣли и заслугъ предъ своимъ компатріотами и не за что было бы имъ рукоплескать. По словамъ Кутули, прошлое Грузїи представляетъ весьма неутѣшительную картину: ослабленная дурнымъ управленїемъ, завистью другъ къ другу и междоусобїями, она, молъ, не имѣла покоя. Вѣрно, она не имѣла покоя, но не по тѣмъ только причинамъ, кои были внушены г-ну Кутули Арцруни и его „либеральною партїею“. Тѣ, которые посѣщали Грузїю и лично сами ее изучали, а не подъ руководствомъ армянскихъ ученыхъ мужей, которые самостоятельно потрудились надъ изученїемъ данныхъ, касающихся прошлой нашей жизни,—тѣ относятся къ намъ не съ такимъ пренебреженїемъ, какъ Кутули и его внушители. Напротивъ, они даже поражены,—какъ такое маленькое христіанское государство, такая маленькая нація могла выдержать столько войнъ съ варварами. „Не будь вообще грузины такимъ мужественнымъ, готовымъ жертвовать собою молодецкимъ народомъ,—это было бы немыслимо“,—говоритъ ученый знатокъ Востока Делорье, соотечественникъ Кутули. Да развѣ онъ одинъ говоритъ это! Но Арцруни, этотъ „всесторонне развитой философъ“, такъ опуталъ, такъ связалъ по рукамъ и ногамъ несчастнаго Кутули, что тотъ, окончательно сбившись съ толку, лишился возможности оглядѣться кругомъ, для выясненія истины, и всецѣло отдался съ макушки до пятокъ лишь Арцруни и его клеветамъ. И вотъ Кутули въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ билъ въ набатъ въ газетѣ „Temps“ о славѣ и величїи армянъ, не щадя

вмѣстѣ съ тѣмъ ни нашего прошлаго, ни настоящаго, понося насъ на всѣ лады и даже почти отрицая всѣми признанное безавѣтное мужество грузинъ. До настоящаго времени ученые философы армянъ не отказывали намъ въ храбрости, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, храбрость—глупость, добродѣтель, присущая сумасброду-грузину („гигъ-враце“). Ну кто, молъ, кромѣ глупца, какой сумасбродъ подставить грудь пулѣ? А потому они безспорно признавали за нами эту добродѣтель, какъ признакъ глупости. Но, видно, армянскіе книжники-философы разсчитали, что подобная философія не подѣйствуетъ на такую личность, какъ Кутули, который принадлежитъ къ націи, считающей, не безъ основанія, храбрость качествомъ похвальнымъ. Вотъ причина желанія ихъ повредить намъ въ глазахъ Кутули и съ этой даже стороны.

Кутули оповѣщаетъ Европу, что въ исторіи Грузіи нѣтъ ничего, чѣмъ бы могъ народъ ея гордиться. Допустимъ, что въ продолженіе двухъ-трехъ дней пребыванія въ Тифлисѣ Кутули досконально ознакомился съ Грузіей и изучилъ всю прошлую исторію ея, такъ какъ онъ оказался „внимательнымъ слушателемъ хорошихъ разсказчиковъ“⁴⁴⁾.

Простимъ и отпустимъ разсказчику и слушателю грѣхи ихъ явнаго фиглярства и проницательства. Лучше ознакомимся съ тѣмъ, что вновь испеченные друзья-пріятели заставили выболтать этого несчастнаго француза о нашемъ настоящемъ. „Грузины составляютъ націю генераловъ, аробшиковъ и чалвадаровъ“⁴⁵⁾,—

⁴⁴⁾ Груз. пословица. *Примѣч. переводчика.*

⁴⁵⁾ Перевозчики вьюковъ на лошадахъ, мулахъ и ослухъ. *Примѣч. переводчика.*

сболтнулъ умудренный мудрецами же выскочка. „Хотя, моль, у нихъ много генераловъ, но они не пользуются извѣстностью“.

Поставить нашихъ генераловъ на одну доску съ аробщиками и чалвадарами—какъ это нравится вамъ?! Выше вѣдь мы видѣли, съ какимъ шумомъ, трескомъ и звономъ, съ какимъ бахвальствомъ заставили Кутули перечислять имена всѣхъ генераловъ-армянъ,—ну назвали бы въ числѣ ихъ хоть одного изъ грузинъ! Но зачѣмъ было имъ это дѣлать? Тогда было бы, что „орѣхъ грузина грохочетъ, вата же ихъ, армянъ, не производитъ даже простого шума“, а это шло бы въ разрѣзъ съ расчетомъ и желаніемъ армянскихъ фило-софовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наши генералы не нуждаются въ похвалѣ ни Арцруни, ни Кутули, равно ни въ защитѣ нашей. Башкадыкляръ, Кюрюкъ-Дара, Карсъ, Деве-бойну, Авліаръ, Бегли-Ахметъ, Ардаганъ, Ахал-цихъ, Чолокъ, весь Дагестанъ и вообще весь Кавказъ громко говорятъ объ ихъ славныхъ именахъ, и громкаго крика ихъ не заглушить хриплому писку и мяуканью армянскихъ мелкодушныхъ книжниковъ-грамотеевъ! Только тотъ можетъ цѣнить чужое достоинство, кто самъ обладаетъ имъ!

„Грузинское дворянство,—говоритъ Кутули,—разорено въ конецъ; они, грузины, кромѣ волокитства, ничего не знаютъ и стремятся лишь поступить на государственную службу, такъ какъ такого рода служба представляетъ легкій трудъ“. Нѣтъ-де у нихъ способностей ни къ торговлѣ, ни къ ремесламъ, а если между ними и попадаются два-три купца, то и тѣ считаютъ деньги по армянски. Нѣтъ ничего удивительнаго, если они увѣрили Кутули, будто грузины не умѣютъ даже

считать на своемъ родномъ языкѣ. Крестьяне-грузины пьяницы и лѣнтяи. „Они, молъ, не выкупили и части земли отъ землевладѣльцевъ“ и проч., и проч. Само собою разумѣется, при этомъ армянскіе книжники скрыли отъ Кутули то несомнѣнное обстоятельство, что уже тогда крестьянами-грузинами было выкуплено отъ помѣщиковъ своихъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ на полтора милліона рублей земли, какъ это видно изъ официальныхъ свѣдѣній ⁴⁶⁾. Конечно, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, но, тѣмъ не менѣе, армянскіе Деллингеры и философы скрыли это отъ Кутули, чтобы онъ не оповѣстилъ объ этомъ міру, опасаясь, что, пожалуй, это похвальное дѣяніе грузина впишется ему въ книгу живота, а армянамъ, молъ, какая отъ этого польза. По мнѣнію этихъ господчиковъ, „что для грузина здорово, то для армянина смерть“. Такимъ образомъ, они ложь сбыли за правду.

Много еще другихъ гимновъ пропѣли Кутули армянскіе философы въ утѣху и славу свою. Мы здѣсь не приводимъ всѣхъ ихъ, такъ какъ бесѣда наша и безъ того затянулась. Страннѣе всего то, что продѣлки армянскихъ грамотеевъ не долго оставались въ тайнѣ, и тотъ же самый Кутули скоро смекнулъ, что за гуси эти хваленые армяне на Кавказѣ. Дѣло въ томъ, что пока Кутули оставался въ Тифлисѣ и вертѣлся среди нихъ, угорѣлый, въ какомъ-то чаду, онъ не устанавливалъ восхвалять ихъ, но когда ему случилось побывать въ Эриванской губерніи и собственными глазами присмотрѣться къ нимъ на собственномъ же ихъ пепелищѣ, то задалъ же очъ имъ трезвону! Про-

⁴⁶⁾ См. докл. Кучаева.

пѣлъ имъ пѣсенку! „Армяне, молъ, на родинѣ своей вообще трусы, неучи, невѣжды и равнодушны къ судьбѣ своей родины“.

Итакъ, какъ видно, они оказываются и учеными, и народомъ, заботящимся о судьбѣ своей, храбрымъ— только тамъ, гдѣ они, по ихъ собственной пословицѣ, чуютъ запахъ хлѣба.

Не объ этомъ-ли сказано: „Рѣчь твоя обличаетъ тебя“? ⁴⁷⁾

Такимъ образомъ, Арируни и его „либеральный“ цехъ заставили европейскую газету прокричать, что грузинамъ, и духовно, и физически обезсиленнымъ, и вмѣстѣ съ ними кавказскимъ татарамъ другого исхода не остается, какъ или обтѣряться, или пойти въ рабы къ нимъ. На подмогу къ этимъ ученымъ мужамъ, для приданія болѣе силы, убѣдительности и для усиленія ихъ арміи, присоединился къ нимъ одинъ генералъ-армянинъ, нынѣ покойный, Кишмишевъ. Безъ генерала вѣдь армія не армія!. А чтобы не отставать отъ себя подобныхъ грамотеевъ-ученыхъ, и онъ пустился наносить намъ удары. Генералъ Кишмишевъ написал сочиненіе, изданное послѣ его смерти радѣтелями славы его, подъ заглавіемъ „Послѣдніе дни Грузинскаго царства“. Какъ славно покойный Кишмишевъ честить насъ, полагаю, всякій читалъ. Въ концѣ XVIII ст.,— изволить говорить Кишмишевъ,—„Грузія уподобилась выброшенному на берегъ кораблю, откуда, кто былъ посильнѣе, могъ брать все, что угодно. Голодныхъ царевичей, молъ, и князей содержали и кормили лавочники и купцы“ ⁴⁸⁾.

⁴⁷⁾ Матвей, 26 гл., 73 ст. *Примѣч. перевод.*

⁴⁸⁾ См. соч. Кишмишева „Послѣдніе годы Грузинскаго царства“, стр. 112—113. *Примѣч. переводчика.*

Милый человекъ, хоть бы онъ вспомнилъ, что вся почти послѣдняя половина XVIII в. была временемъ царствованія Ираклія и что за этотъ періодъ времени этотъ знаменитый царь стяжалъ себѣ славу побѣдами своими надъ врагами. Даже Эриванъ и Елисаветполь, главные очаги армянъ, платили ему подать, не говоря уже о томъ, что почти всѣ ближайшіе ханы были у ногъ могущественнаго царя и что даже сама Россія не чуждалась содѣйствія его во время войнъ съ Турціею. Царь Ираклій соединилъ въ одно царство съ давняго времени разъединенныя Карталинію и Кахетію, и Имеретія тоже пожелала присоединиться, быть подъ его скипетромъ, — но внутреннія смуты и колебанія помѣшали въ этомъ престарѣлому, но все еще бодрому и побѣдоносному царю. Въ то время, когда царь ея былъ настолько могущественъ, могла-ли Грузія быть такой безпомощною и „походить на корабль, выброшенный на берегъ“? Мы не можемъ сказать, что во время царя Георгія, т. е. послѣ 1792 года, Грузія находилась въ особенно счастливомъ положеніи, но и не въ такомъ безпомощномъ, чтобы всякій могъ рвать ее на куски. Равно нѣтъ никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что тотъ или другой урвалъ что-нибудь отъ Грузіи и что она въ послѣдніе годы XVIII ст. такъ уже была терзаема, какъ то желательно было покойному Кишмишеву.

Правда, царь нашъ Ираклій состарился, правда, впослѣдствіи онъ былъ даже побѣжденъ Ага-Магометь-Ханомъ, а послѣ (въ 1789 г.) навсегда простился съ любимую свою Грузіею; правда и то, что она лишилась надежнаго защитника, но до того мы не доходили, чтобы всякій, отъ мала до велика, рвалъ на куски Гру-

зію. Даже самъ побѣдоносный Ага-Магометъ-Ханъ не дерзнулъ урвать отъ нея что-нибудь. Пиратъ, послѣ Ираклія мы ослабѣли, обезсилѣли отъ внутреннихъ смутъ, но кормила корабля мы изъ рукъ все еще не выпускали и не дали волнамъ житейскаго моря разбить его и выбросить на берегъ. И царь Георгій въ какомъ состояніи получилъ Грузію отъ отца, въ такомъ же и вручилъ ее Россіи, во всей цѣлости,—будь-де покровительницею и защитницею единовѣрнаго тебѣ народа.

Повѣримъ, пожалуй, сказанію Кишмишева, что „Грузія уподобилась выброшенному на берегъ кораблю“, щадя прелесть нарисованной имъ поэтической картины нашего безсилія. „Царевичей и князей нашихъ, по его словамъ, кормили тифлисскіе лавочники“. Ну, а это что такое? Что это за фраза? Кто и по чьей милости здѣсь, въ Грузіи, кормится и кормился прежде,—пусть вѣдають это Великій Сердцевѣдецъ, прозорливая совѣсть и злая неблагодарность людская. Положимъ, мы были бѣдны и такими же и нынѣ остаемся, но что изъ этого? „Если меда не было, то почему же столько мухъ налетѣло изъ Багдада?⁴⁹⁾“. Если не было хлѣба, почему они, армяне, сѣли, поселились здѣсь, вопреки ихъ пословицъ?! Ужъ гдѣ такая пережатная голь, тамъ не можетъ существовать торговля и нечѣмъ тамъ купцамъ набить ненасытную свою утробу. Видно, Грузія не такъ уже нищенски была бѣдна, какъ увѣряють всѣхъ армянскіе книжники, такъ какъ могла содержать не только себя, но и откармливать другихъ до

⁴⁹⁾ Грузинская пословица, гласящая буквально: „Лишь бы былъ медъ, а муха прилетитъ даже изъ Багдада“—*თავადი მუხი ბაგდადისაგან მოვლ*. *Примѣч. переводчика.*

отвала. Должно быть, было за душою что нибудь у голи-перекатной, чтобы, давъ себя пощипать, еще нагулять себѣ жира.

И что за нелѣпый укоръ: ты, молъ, голякъ, ни-щій?! Что это за порокъ такой, чтобы постоянно ко-лотъ имъ глаза и неустанно трубить о немъ въ трубы? Что позорнаго въ бѣдности, хотя, правда, и благопо-лучія въ ней нѣтъ?! Русскіе говорятъ: „бѣдность не порокъ“. Развѣ мѣриломъ человѣческаго достоинства служить одно только богатство и ничего больше? Иисусъ Христосъ былъ бѣденъ, ходилъ босый, ничѣмъ не при-крывая головы. А между тѣмъ весь просвѣщенный міръ почитаетъ Его за Бога! Значить, не одно богатство составляетъ достоинство и славу человѣка,—необхо-димо, оказывается, имѣть еще кое-что для этого, а именно то, чего, къ несчастію людей, недостаетъ у многихъ мѣстныхъ богачей. Чего ради, наконецъ, при-стаютъ къ намъ съ ножемъ къ горлу и все корятъ насъ: „вы бѣдны, а мы, молъ, богаты!“ Бѣдность—не порокъ и не грѣхъ. Позорно и грѣшно кормиться вы-печеннымъ чужими руками хлѣбомъ и запивать его чу-жимъ потомъ. И тотъ, кто запечатлѣлъ эту истину въ сердцѣ своемъ, какъ свой завѣтъ и свою заповѣдь, пусть покается въ своемъ грѣхѣ, пусть смоетъ свой позоръ. Лучше ѣсть сухой хлѣбъ, но свой, нежели смоченный чужимъ потомъ.

Хорошо еще, спасибо покойному генералу Киш-мишеву, что онъ хоть называлъ Грузію царствомъ и не лишилъ нашей оскорбительно обезличенной Грузіи этого болѣе или менѣе почетнаго титула. Другимъ армянскимъ книжникамъ-грамотеямъ и этого жаль для насъ, какъ будто они обидѣлись, что г. Кишми-

псевдъ, этотъ армянскій человѣкъ, дерзнулъ помянуть почетнымъ названіемъ Грузію и грузинъ. Хотя въ настоящее время и малый ребенокъ знаетъ, что Грузія извѣстна была какъ царство и правители ея какъ цари, но въ послѣднее время выступилъ на арену новый армянскій ученый-книжникъ, Г. А. Эзовъ, и лишилъ нашу страну этого титула, а съ головъ царей нашихъ сорвалъ царскую корону, какъ будто и корона, и титулъ были пожалованы Грузіи и царямъ ея генераломъ Кишмишевымъ или родоначальникомъ г. Эзова.

Мы говоримъ это не безъ основанія. Г. Эзовъ въ послѣднее время издалъ довольно объемистое сочиненіе, подъ чрезвычайно громкимъ названіемъ: „Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“. Какъ же! Если ужъ кричать, такъ кричать! Пустивъ такую ракету, искусившійся въ подобныхъ выходкахъ ученый сталъ честить нашу Грузію и царей ея. Въ этомъ обширномъ трудѣ своемъ онъ окрещиваетъ Грузію въ персидское ханство, царей же ея величаетъ ханами, чѣмъ, очевидно, и хочетъ сказать: кто вамъ сказалъ, что Грузія была царствомъ, а правители ея царями?!

Положимъ, Господь Богъ не надѣлилъ г. Эзова даромъ истиннаго ученаго—любовью къ правдѣ настолько, чтобы изслѣдовать этотъ вопросъ по сочиненіямъ иностранныхъ писателей, но, по крайней мѣрѣ, прочелъ бы онъ хоть своихъ армянскихъ авторовъ! Какой стихъ нашелъ на него, что онъ такъ растерялся!? Ужъ не говоря о чемъ-либо иномъ, онъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, устыдиться армянскихъ историковъ!.. Не говоря о Моисѣ Хоренскомъ, развѣ Степанозъ Асогика и Арисдагесъ Ласдиверъ въ

ХІ ст., Матеевъ Эдесскій въ ХІІ в., Варданъ Великій въ ХІІІ в. и многіе другіе не называютъ Грузію царствомъ, а правителей ея—царями, восторженно повѣствуя о заботахъ грузинскихъ царей, облагодѣтельствовавшихъ армянъ и ихъ монастыри?!. Подѣломъ намъ, подѣломъ!

Слыхано-ли подобное поруганіе и глумленіе надъ знаніемъ, такой подлый обманъ со стороны ученаго!? Совершенно справедливо, что въ настоящее время не важно для насъ допытываться—была ли Грузія царствомъ или нѣтъ. Это дѣло прошлое. Въ настоящемъ же—„одно имѣю“ лучше, чѣмъ „имѣлъ тысячу“ въ быломъ. И если мы приводимъ такой образецъ научной добросовѣстности г. Эзова, пропитанной ядомъ и злобою, то мы дѣлаемъ это исключительно для того, чтобы читателю ясно было, какъ эти любезные книжники строго и неуклонно отъ начала до конца тянутъ одну и ту же канитель. Какъ бы грузина обезславить, гдѣ бы его унижить, оскорбить, лишить всякаго достоинства, если таковое за нимъ водится, и превратить его въ глазахъ всего свѣта ни во что—вотъ ихъ единственное желаніе. Какъ будто въ гибели нашей спасеніе армянъ, какъ будто не уготовано Господомъ Богомъ ничего другого для ихъ благополучія.

Г. Эзовъ грубо, хитро, ненаучно, неумѣло, неискусно ухищряется показать всѣмъ бѣлое чернымъ. Самъ намѣренно закрывая глаза, затыкая уши, онъ воображаетъ, что и всѣ другіе тоже ослѣпили, оглохли и не въ состояніи понять жонглерства, продѣлокъ его. А вѣдь г. Эзовъ какъ будто человѣкъ ученый, просвѣщенный! Но не думаемъ, чтобы истинно ученый и просвѣщенный человѣкъ позволилъ себѣ то, что онъ

позволяетъ. Права пословица: „не побѣлѣть ворону, какъ ни три его пескомъ“ ⁵⁰⁾. Не довольствуясь тѣмъ, что лишилъ страну нашу присвоеннаго ей издавна титула, разжаловалъ царей нашихъ, превративъ ихъ въ персидскихъ чиновниковъ, г. Эзовъ взялся и за всю грузинскую націю и давай сдирать съ нея шкуру въ своемъ пресловутомъ произведеніи. Еще бы! Развѣ можетъ грамотей-армянскій ученый такъ стряхнуть съ себя пыль, чтобы не обдать ею насъ?

Гдѣ только было сказано что-либо во вредъ грузинамъ—все это съ какимъ-то злорадствомъ собрано г. Эзовымъ и брошено имъ намъ въ лицо. Все же сказанное въ нашу пользу, по обыкновенію подобныхъ армянскихъ книжниковъ, похвально утаено. „Привычка—вторая натура“, и г. Эзовъ не настолько храбръ, чтобы измѣнять ей. Вотъ что, по увѣренію г. Эзова, Шарденъ говоритъ о грузинахъ: „Они порочны, пьяницы, развратны, безчестны, не господа своего слова, вѣроломны и измѣнники, пронырливы. Въ пьянствѣ и развратѣ духовныя лица не уступаютъ свѣтскимъ и вовсе не считаютъ за стыдъ имѣть наложницами красивыхъ рабынь“ ⁵¹⁾.

Быть можетъ, и это правда,—не будемъ объ этомъ спорить съ ученымъ г. Эзовымъ. Только спросимъ его: тотъ же самый Шарденъ ничего—кромѣ этихъ гадостей—не говоритъ о грузинахъ? Пусть онъ, положа честную свою руку на сердце, отвѣтитъ! Развѣ не тотъ же самый Шарденъ говоритъ, что гру-

⁵⁰⁾ Грузин. послов. „*არ გათვითგება ყოჩაბი, რა ვიბდ რა ხეცა ქობილთა*“. *Примѣч. перев.*

⁵¹⁾ См. Эзова: „Снош. Петра В. съ арм. нар.“, стр. IX. *Примѣч. перев.*

зины не лишены способностей и что, будь у нихъ руководители, они пріобрѣли бы извѣстность въ наукахъ и искусствахъ? Развѣ не тотъ же Шарденъ пишетъ, что грузины вѣжливы, привѣтливы, обладаютъ чувствомъ собственнаго достоинства, могущественнѣе армянъ, непоколебимо храбры и самоотверженные борцы за свою свободу, независимость?

Если только г. Эзовъ не желалъ поносить насъ, если онъ не жаждалъ только опозорить насъ, то развѣ кромѣ Шардена никто ничего не говоритъ о грузинахъ? Почему онъ утаилъ все это, если только желалъ всесторонне изслѣдовать всѣ хорошія и дурныя стороны нашего существованія и если находилъ нужнымъ говорить обо всемъ этомъ тамъ, гдѣ повѣствуется „о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“?. Вотъ, наприм., что пишетъ о насъ славный Боденштедтъ, который долгое время прожилъ въ Грузіи, а не былъ въ ней, подобно Шардену, лишь по пути, мимоходомъ: „грузинъ безпеченъ, не думаетъ о застрашеніи днѣ, не особенно цѣнить земныя блага, не имѣетъ неутолимой жажды къ пріобрѣтенію,—почему торговля преимущественно находится въ рукахъ армянъ. Зато грузины,—говоритъ онъ,—всѣхъ нравственнѣе и честнѣе въ этой странѣ. Они чрезвычайно гостепріимны, какъ и прочіе кавказцы, надежны, какъ мечи ихъ, проворны и ловки, какъ кони ихъ, храбры на войнѣ, у себя вѣжливы и пріятны“ ⁵²⁾.

Конечно, ничья похвала ничего не прибавитъ намъ, не дастъ того, чего у насъ нѣтъ, точно также

⁵²⁾ См. Боденштедтъ: „Кавказ. народы“. Мюнхенъ. 1847 г., по франц. переводу стр. 202—302.

какъ отъ хулы г. Эзова мы ничего не потеряемъ и не лишимся того, что имѣемъ. А если мы обращаемъ вниманіе читателя на эти продѣлки и передержки г. Эзова, то для того лишь, чтобы показать, куда онъ мѣтитъ, замалчивая все о насъ хорошее и трубя въ трубы о дурномъ. „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, и преднамѣренности такого ученаго, какимъ оказался г. Эзовъ, не скроешь.

У него при одномъ упоминаніи имени грузина выдѣляется ядъ, который, не имѣя другого исхода, долженъ излиться. А вѣдь говорятъ, что онъ человѣкъ съ образованіемъ! Если образованіе настолько сильно, что не въ состояніи внушить человѣку, что въ ученomъ мірѣ нельзя сбывать фиглярство, какъ фальшивую монету на базарѣ, то да сохранить Господь такое образованіе за обладателемъ его, а насъ избавить и отъ такого образованія, и отъ такихъ просвѣтителей! „Кто обладаетъ фонаремъ Діогена, тотъ долженъ имѣть также и его посохъ“, иначе говоря— нравъ его. Невоспитанный нравъ—не посохъ, а несчастіе. Не даромъ говоритъ Боссюэтъ: „Остерегайтесь и берегитесь нрава своего. Нравъ—такой врагъ, который преслѣдуетъ васъ повсюду до могилы“.

VI.

Г. Эзовъ не довольствуется однѣми этими удивительными продѣлками. Съ цѣлью еще болѣе повредить добруму имени грузинъ, онъ приводитъ другого свидѣтеля. Такимъ свидѣтелемъ является у него ганжакарабахскій патріархъ, покойный Исаія. Для достойной оцѣнки показанія этого почтеннаго свидѣтеля и про-

дѣлки г. Эзова, необходимо начать бесѣду издалека и вспомнить маленькій эпизодъ изъ исторіи Закавказья.

Давно Персія обращала на себя особенное вниманіе Императора Петра Великаго, и завѣтною мечтою его, между прочимъ, было открыть въ ней путь къ расширенію торговли и вліянія Россіи. Пока продолжалась война со шведами, дальновидный Императоръ, конечно, не могъ осуществить своей идеи, но когда Ништадтскимъ миромъ 30-го августа 1721 г. положенъ былъ конецъ войнѣ со шведами, Петръ сталъ энергичнѣе готовиться къ приведенію въ исполненіе своего давнишняго намѣренія—пойти войной на Персію. Весь Ганжа-Карабахъ тогда былъ въ рукахъ Персіи, и тамошніе армяне, притѣсняемые персіянами, старались какъ нибудь избавиться отъ нихъ и съ этой цѣлью завязали сношенія съ Петромъ Великимъ. Между прочимъ, посланъ былъ къ Императору монахъ Минасъ. Монахъ этотъ былъ какъ бы прямымъ посредникомъ въ самой Россіи между императорскимъ правительствомъ и армянами. Ему было поручено армянами обѣщать передачу Россіи Ганжи-Карабаха, и Петръ Великій воспользовался этимъ случаемъ, какъ поводомъ къ началу дѣйствій.

Мудрый Императоръ предусмотрѣлъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ можетъ воспользоваться и помощью грузинъ, такъ какъ Грузія тоже тяготилась близкимъ сосѣдствомъ съ Персіей и не прочь была-бы изгнать персіянъ изъ Ганжи-Карабаха. Нечего и говорить, что грузинамъ, какъ единовѣрцамъ русскихъ, выгоднѣе было имѣть сосѣдями ихъ, нежели персіянъ. Петръ Великій отлично зналъ это, а потому обѣщалъ армянамъ и далъ знать грузинамъ, что „придетъ со своимъ войскомъ и чтобы они были на готовѣ“. Кстати, представился къ

тому и отличный поводъ. Въ это время лезгины и казикумухцы, по приглашенію шемахинскихъ мусульманъ, напали на Шемаху, взяли ее, разграбили, при чемъ напали на лавки русскихъ купцовъ, побили торговцевъ и овладѣли ихъ товарами, — по донесенію одного русскаго чиновника ⁵³⁾ Петру Великому, цѣнностью въ 500 тысячъ рублей.

Узнавъ объ этомъ, Петръ Великій немедленно написалъ царю Вахтангу, что двинется изъ Астрахани, а „вы, для пользы христіанства, по ревностному своему обѣщанію, съ вашими войсками къ намъ будете“. Устно же, черезъ посланнаго ⁵⁴⁾, Петръ совѣтовалъ Вахтангу напасть на лезгинъ. Вахтангъ съ войскомъ, числомъ до 30 тыс., двинулся на лезгинъ, которые при приближеніи его бѣжали. Дабы персіяне не догадались, въ чемъ дѣло, и не приготовились для отраженія, всему этому движенію Вахтанга придали видъ, будто оно вызвано было исключительно желаніемъ наказать жителей-суннитовъ, призвавшихъ лезгинъ. Это вторженіе лезгинъ, какъ суннитовъ, непріятно было самимъ персіянамъ, какъ шиитамъ, потому то они и остались даже довольны дѣйствіями Вахтанга. По окончаніи дѣла съ лезгинами, Вахтангъ, ожидая Петра Великаго изъ Астрахани, сталъ лагеремъ подъ Ганжею. Какія-то дѣла потребовали однако присутствія Петра Великаго внутри Россіи, онъ выступилъ изъ Астрахани и вернулся въ Россію, давъ знать Вахтангу, что дѣло отлагается до слѣдующаго года. Разочарованный въ ожиданіяхъ своихъ, Вахтангъ вернулся въ Тифлисъ. Патріархъ

⁵³⁾ Волынскаго. См. Эзова: „Сношенія Петра Вел. съ ар. н.“, гл. V, стр. LII. *Примѣч. переводчика.*

⁵⁴⁾ Туркестанова. Idem, стр. LIII. *Примѣч. переводчика.*

Исаія писалъ вышеупомянутому монаху Минасу въ Россію объ этомъ движеніи Вахтанга на лезгинъ и сообщалъ, что „Вахтангъ прибылъ съ 30 тыс. войскомъ и двинулся на лезгинъ, что онъ, Исаія, съ нимъ былъ и что, какъ только они приблизились, лезгины удалились“. Затѣмъ Вахтангъ, потерявъ надежду на прибытіе Петра Великаго, „возвратился въ Тифлисъ; съ нимъ поѣхалъ туда и патріархъ Исаія и оставался тамъ четыре мѣсяца“⁵⁵⁾. Въ этомъ же письмѣ Исаія сообщаетъ монаху Минасу, что онъ (Вахтангъ) „намѣренъ въ послѣднихъ числахъ сего сентября мѣсяца, собрався съ войски своими и съ армяны, итти паки къ Генжѣ“, что „грузинцы и армяне нынѣ всѣ въ единодушномъ соединеніи пребываютъ и надежды никакой, кромѣ Его Императорскаго Величества, не имѣютъ и его токмо избавленія ожидаютъ, и ты старайся“⁵⁶⁾.

Двинулся-ли вторично Вахтангъ, или нѣтъ, оставимъ этотъ вопросъ. Г. Эзовъ, съ своей стороны, по поводу перваго похода Вахтанга, вотъ какъ честить грузинъ: „Вахтангъ, желая наказать жителей-суннитовъ, призвавшихъ лезгинъ, разрѣшилъ своему войску сдѣлать нападеніе на мѣстное мусульманское населеніе, *строго воспретивъ касаться христіанъ*. Но воины, разсыпавшись по всѣмъ окрестнымъ мѣстностямъ до рѣки Тертера, произвели страшное опустошеніе и во-зми отправляли награбленное въ свой лагерь; они грабили не только магометанъ, но и христіанъ. При приближеніи войска къ армянскимъ деревнямъ, населеніе обыкновенно выходило навстрѣчу во главѣ съ духо-

⁵⁵⁾ Idem, стр. LIII. *Примѣч. переводчика.*

⁵⁶⁾ Idem, стр. LIV, LV. *Примѣч. переводчика.*

венствомъ въ облаченіи, съ крестами и свѣчами, при звонѣ колоколовъ, но грузины накидывались на нихъ, отнимали облаченіе, церковныя книги и утварь и все имущество; такимъ образомъ, все, уцѣлѣвшее отъ лезгинъ,—пишетъ патріархъ Исаія,—уничтожила жадная, ненасытная и безжалостная нація грузинская“⁵⁷⁾.

Такъ, оказывается, однако, пишетъ патріархъ Исаія не къ монаху Минасу, а въ своей краткой исторіи. Не слѣдуетъ и этого забывать. Какъ видно, исторія армянскихъ ученыхъ—одно, а правда и истина—другое. И это мы ниже увидимъ.

Можетъ быть и правда, что грузины и были, да и теперь еще—жадны, ненасытны и жестоки. Можетъ быть и то правда, что грузины ограбили армянъ, отобрали и оскорбили духовенство ихъ, не пощадили ни церковныхъ книгъ, ни священной утвари и, такимъ образомъ, надругались надъ вѣрой ихъ. Но только одно удивляетъ насъ: почему патріархъ Исаія не сообщилъ о такомъ хищническомъ поступкѣ монаху Минасу тогда, когда онъ писалъ о дѣяніяхъ Вахтанга и когда они, какъ происшествіе вчерашняго дня, должны были чувствоваться сильнѣе, нежели тогда, когда онъ писалъ исторію,—т. е. тогда, когда время успѣло умѣрить и смягчить впечатлѣнія этихъ дѣяній?! Развѣ отъ избытка чувствъ уста не должны были говорить сильнѣе тогда, когда сердце было полнѣе горемъ и гнѣвомъ? Оставимъ и это! Но этотъ самый духовный владыка и покровитель армянъ, ихъ главарь, знатнѣйшій человекъ, этотъ глава пастырей ихъ, послѣдовалъ, по словамъ того же Эзова, „за жаднымъ, ненасытнымъ

⁵⁷⁾ Idem, стр. LIII. *Примѣч. переводчика.*

и безжалостнымъ народомъ“ Вахтанга, отдался подъ покровительство грузинъ и цѣлыхъ четыре мѣсяца провель въ ихъ столицѣ, Тифлисѣ. Какъ вѣрить намъ исторіи патріарха Исаи, когда такой фактъ у насъ налицо?! Съ одной стороны, надо предположить, что онъ питалъ большую любовь къ своему народу, большое уваженіе и къ вѣрѣ своей паствы, къ духовенству, что рѣшился сопровождать и отдаться покровительству народа, бывшаго грабителемъ, разорителемъ, оскорбителемъ духовенства и вѣры армянъ; съ другой стороны, надо полагать, что онъ былъ очень храбръ, что рѣшился отдаться „жадному, ненасытному и безжалостному войску или народу“. Если только дѣйствительно съ ними, армянами, поступлено было такъ ужасно и недостойно, то какъ могло его тянуть къ такому вѣроломному и жестокому народу, чтобы сдѣлать ему честь и сопровождать его? Какой отвѣтъ онъ могъ-бы дать ограбленнымъ, разореннымъ и обезчещеннымъ армянамъ, когда онъ позволилъ себѣ относиться съ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ къ грабителямъ, разорителямъ и поносителямъ вѣроисповѣданія своей паствы?!

Сопоставьте-ка, съ одной стороны, этотъ разгромъ армянъ, глумленіе надъ ихъ вѣрою, ограбленіе ихъ духовенства, поруганіе священной и церковной утвари, а съ другой—такое пріятельское отношеніе армянскаго патріарха къ разорителямъ и оскорбителямъ и разсудите, и вы придете къ такому заключенію: „клятвѣ-то вѣрю, но хвостъ удивляетъ меня“⁵⁸). Развѣ мыслимо первое при существованіи второго и наоборотъ?!

⁵⁸) Груз. пословица: „ფიცო გწამს, ბოლო მაკვირებს“. *Примѣч. перев.*

Но какое до этого дѣло г. Эзову?! Онъ обругалъ грузинъ, ссылаясь на патріарха Исаію. Чего больше требовать и ожидать отъ армянскаго книжника?!

Если дѣйствительно правда, что такъ скверно показали себя грузины и такъ расправились съ армянами и ихъ духовенствомъ, то зачѣмъ тотъ же самый правдивый патріархъ Исаія пишетъ монаху Минасу, какъ радостную вѣсть, что царь „Вахтангъ намѣревается итти паки съ войски своими къ Генжѣ и ты, съ своей стороны, старайся тамъ, въ Россіи“? Развѣ такъ радостно было ожидать вновь вторженія такого войска, которое въ первый разъ до чиста ограбило и разорило армянъ и содрало шкуру съ его духовенства? Забудемъ однако и это.

А чему приписать то, что тотъ же самый Исаія клянется Минасу, что теперь армяне и грузины-де души другъ въ другъ не чаютъ? Какимъ чудомъ такъ быстро жадный, ненасытный и безжалостный грузинскій народъ соединился душой и тѣломъ съ армянами?! Неужели грузины такъ скоро измѣнили свой отвратительный нравъ, а армяне такъ скоро повѣрили, что грузины бросятъ эту жадность, ненасытность и жестокость?

Монахъ Минасъ ни въ одномъ своемъ донесеніи, представленномъ Петру Великому, ни однимъ словомъ не выражаетъ своего недовольства на грузинъ. Напротивъ, въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, онъ отмѣчаетъ: „изъ Тифлиса намъ пишутъ, что очень довольны Вахтангомъ: съ нами, армянами, онъ обращается съ большою любовью и милостью“ ⁵⁹⁾.

⁵⁹⁾ См. письмо Минасы 1722 г., декабря 9-го.

Положимъ, что, изъ-за политическихъ соображеній, Минасъ скрылъ отъ Петра Перваго злодѣянїя грузинъ, но что-же заставляло его разсыпаться въ въ благодарности имъ?!

Справедливо, что монахъ Минасъ былъ далеко и, — вещь возможная, — не могъ ничего знать объ этихъ злодѣйствахъ грузинъ, архіепископъ-же армянскій Минасъ Первазіанцъ присутствовалъ и былъ очевидцемъ, когда Вахтангъ напалъ на лезгинъ и прогналъ ихъ. Архіепископъ не только не упрекаетъ грузинъ въ этихъ злодѣянїяхъ, но даже отзывается о нихъ съ благодарностью, говоря: „Господь Богъ нынѣ послалъ намъ Вахтанга пастыремъ и господиномъ. Онъ покровительствовалъ намъ и защищалъ насъ, прогнавъ враговъ нашихъ, и, сплотивъ армянъ, оберегаетъ и лично заботится о насъ“⁶⁰).

Этотъ армянскій архіепископъ былъ въ то время вмѣстѣ съ Вахтангомъ въ Ганжѣ и оттуда съ патриархомъ Исаіей сопровождалъ его въ Тифлисъ. Слѣдовательно, эти армянскія высокопоставленныя духовныя лица оба были очевидцами всѣхъ тогдашнихъ дѣяній грузинъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „жадные, ненасытные и безжалостные грузины совершенно ограбили армянъ и недостойно обошлись съ нашею вѣрою“, второй-же вспоминаетъ ихъ съ благодарностью и считаетъ Божьею благодатью, что царь Вахтангъ явился покровителемъ и защитникомъ ихъ, избавилъ ихъ отъ враговъ, печется о нихъ и бережетъ ихъ.

Нечего и говорить, что Вахтангъ оказалъ армянамъ всѣ эти благодѣянїя при помощи и содѣйствіи своего народа, иначе, одинъ что бы онъ могъ сдѣлать?!

⁶⁰) Письмо Минаса Первазіанца 1722 г., декабря 12-го.

Какъ г. Эзовъ поступилъ съ этими двумя взаимно противорѣчащими свидѣтельствами? Въ данномъ случаѣ истинный ученый сдѣлалъ-бы одно изъ двухъ: или не повѣрилъ-бы ни одному изъ нихъ, если бы уже черезчуръ осторожно захотѣлъ поступить, или же, если бы сослался на одного, то привелъ бы свидѣтельство и другого.

Г.-же Эзовъ поступилъ такъ, какъ не слѣдовало поступать. Онъ заставилъ говорить хулителя грузинъ, хвалившаго-же ихъ намѣренно заставилъ молчать. Какъ назвать такой поступокъ его, мы не знаемъ, но ясно одно, что какъ дипломъ не дѣлаетъ ученаго, такъ и ряса—монаха и „тыквѣ не быть хрусталемъ, какъ бы высоко ни поставить ее на полкѣ“⁶¹⁾.

Все такъ, но, полагаемъ, не будетъ неумѣстнымъ, если мы спросимъ: положимъ, грузины, къ вѣщшему удовольствію Эзова, совсѣмъ мерзкій народъ; но при чемъ мерзость грузинъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь „о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“? Что общаго между мерзостью грузинъ и этими „сношеніями“? Не было другого исхода слюнѣ бѣшенства? Къ чему приплетено г. Эзовымъ повѣствованіе о мерзостяхъ грузинъ? Для чего Эзову понадобилось это? Очевидное дѣло—для того, что, пожалуй, судьба не удостоить его другой разъ такого случая—лягнуть любимыхъ имъ

⁶¹⁾ Вольный переводъ грузинской пословицы, гласящей слѣдующее: „Тыквѣ не быть ширазскимъ стекломъ, ставь ее хоть на самой высокой полкѣ“,—გოგრა ვერ გახდება შირაზის შუშა. რაც გინდა მაღლა თაროზედ შესდო. *Прим. перев.*

братьевъ-грузинъ. Какъ же не соблазниться и упустить такой счастливый случай совершить завѣтный для армянъ подвигъ?!

Если все это не такъ, то какой же причиной и логикой можно объяснить еще другое странное обстоятельство,—что г. Эзовъ въ книгѣ, озаглавленной имъ „Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“, задѣваетъ и царя Ираклія и повѣствуетъ о дѣяніяхъ гр. Тотлебена? Что тутъ общаго? Какое отношеніе между Пестромъ Великимъ, Иракліемъ и гр. Тотлебенемъ? Дѣло въ томъ, что г. Эзовъ, не узнавъ броду, полѣзъ въ воду. Спросите его, для чего онъ вклеилъ личность временъ Екатерины Великой въ сочиненіи „о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“? Это очень легко объяснить, если вспомнимъ опять-таки того же „Али, у котораго на умѣ только пловъ“. Для г. Эзова грузинъ служить лишь мишенью, такъ какъ же ему утерпѣть, чтобы не забросать его комками грязи, если только представляется къ тому возможность. При этой цѣли Тотлебенъ—пріятная и подходящая для г. Эзова личность, и самое упоминаніе объ Иракліи даетъ ему случай недостойно отозваться и объ этомъ знаменитомъ нашемъ царѣ.

Всѣмъ извѣстно, что когда Екатерина Великая начала воевать съ турками, то общала Ираклію и имеретинскому царю Соломону помочь имъ деньгами и войскомъ, если они тоже пойдутъ на турокъ. Цари съ радостью изъявили свое согласіе, и Екатерина прислала въ Грузію деньги и 4,000 войска подъ начальствомъ генерала Тотлебена. Тотлебенъ прибылъ съ деньгами и войскомъ и вмѣсто того, чтобы, согласно приказанію Императрицы, дѣйствовать вмѣстѣ съ

грузинами, отдѣлился отъ нихъ, чтобы честь побѣды надъ турками осталась только за нимъ. Затѣялъ онъ рядъ интригъ, началъ обращаться и съ Иракліемъ, и съ Соломономъ высококомѣрно, неприличествующимъ ихъ достоинству образомъ. Затѣмъ онъ измѣнилъ Ираклію и бросилъ его за день до аспиндзскаго боя и, чтобы оправдать себя въ глазахъ Императрицы, дѣлалъ ей ложные доносы, понося какъ самого Ираклія, такъ и весь его народъ.

Что за человѣкъ былъ этотъ Тотлебенъ, какъ онъ велъ себя, какъ грабилъ всѣхъ отъ мала до велика, какъ грубо обращался съ царями грузинскими, какъ набивалъ свой карманъ и какъ содержалъ довѣренное ему русское войско, оставляя его безъ пищи и одежды,—въ томъ ясно можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія посланныхъ въ Россію официальныхъ донесеній Языкова и Львова ⁶²⁾, вслѣдствіе коихъ Тотлебена отозвали изъ Грузіи и на его мѣсто назначили генерала Сухотина ⁶³⁾. Генераль Сухотинъ представилъ Императрицѣ въ такомъ же видѣ поступки и дѣйствія Тотлебена. Что за человѣкъ былъ Тотлебенъ, видно еще и изъ того, что онъ за дурное и порочное поведеніе былъ изгнанъ изъ предѣловъ своей родины—Германіи. Онъ успѣлъ однако какими-то путями умолить Императрицу Елисавету Петровну принять его на службу,—и вотъ пожалованы были ему чинъ генераль-майора и званіе корпуснаго командира. Офицеры ввѣреннаго ему корпуса, узнавъ объ его предательствѣ и измѣнѣ, схватили его и представили правительству.

⁶²⁾ См. Ал. Цагарели: „Грамоты и другіе ист. док. XVIII стол., относящіеся къ Грузіи“, т. I., стр. 180, 247, 249 и др.

⁶³⁾ Idem, стр. 484.

Русское правительство отдало его подъ судъ. По суду онъ былъ признанъ предателемъ и измѣнникомъ и приговоренъ къ смертной казни, но она замѣнена была изгнаніемъ изъ Россіи подъ угрозою, что, въ случаѣ появленія его когда либо въ предѣлахъ Россіи, всякій будетъ имѣть право убить его.

Такимъ образомъ въ 1763 году Тотлебенъ былъ изгнанъ изъ Россіи. Цѣлыхъ шесть лѣтъ онъ скитался внѣ Россіи и наконецъ успѣлъ вымолить прощеніе у Екатерины Великой. Императрица простила ему прошлое и поручила ему шедшее на Кавказъ войско.

Вотъ съ какимъ человѣкомъ пришлось имѣть дѣло тогдашней Грузіи!

Этотъ, по русскимъ officialнымъ документамъ, мерзвѣйшій, безсовѣстный человѣкъ, взяточникъ, грабитель, измѣнникъ, лжецъ и доносчикъ приводится г. Эзовымъ, дабы вновь обдать грязью грузинъ, въ качествѣ свидѣтеля. Вотъ что пишетъ Тотлебенъ о грузинахъ,—повѣствуетъ намъ г. Эзовъ: „Они, грузины, пронырливы, корыстолюбивы, въ пороки погружены и ниже понятія о добродѣтеляхъ имѣютъ (п. 4). Не можно, кажется, отъ грузинцовъ, самымъ ихъ порабощеніемъ малодушными учинившихся, требовать храбрости и послушанія“. ⁶⁴⁾ Г. Эзову только этого и хотѣлось, а иначе, повторяемъ, во первыхъ, къ чему годно это свидѣтельство Тотлебена, когда рѣчь идетъ о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ, и, вторыхъ, что за достойный довѣрія человѣкъ—Тотлебенъ, чтобы довѣряться безъ провѣрки и разслѣдованія его, свидѣтельству?! Всякій другой порядочный человѣкъ

⁶⁴⁾ См. Эзова: „Снош. Петра Великаго съ арм. народомъ“ стр. ХС., гл. XII. *Примѣч. переводчика.*

не только счелъ бы недостойнымъ себя ссылаться на такого свидѣтеля, но даже не позволилъ бы себѣ соприкасаться съ нимъ, изъ опасенія запачкаться. Очевидное дѣло, г. Эзовъ въ данномъ случаѣ оказывается „рыцаремъ безъ страха и упрека“.

VII.

Послѣ пропѣтаго г. Эзовымъ устами Тотлебена „хвалебнаго гимна“ намъ, слушаемъ сказаніе самого Эзова о царѣ Иракліи и современной ему Грузіи. Известно, что Ираклій велъ переговоры съ Петербургомъ о принятіи Россіею Грузіи подъ свое покровительство. Вотъ какое колѣнцо выкинулъ по этому поводу г. Эзовъ и что онъ рассказываетъ своимъ читателямъ: „Ираклій вновь въ 1782 г. послалъ на Высочайшее имя въ Петербургъ письмо, въ которомъ просилъ принять Грузію подъ верховную власть русской державы. Ираклій просилъ утвердить его съ потомствомъ въ царскомъ достоинствѣ, оставить въ Грузіи званіе католикоса, или главы духовенства, прислать въ его отечество 4,000 русскихъ войскъ, необходимыхъ для защиты отъ враговъ и для покоренія отпадшихъ отъ него провинцій, и наконецъ снабдить его деньгами на содержаніе войска“.

„Такимъ образомъ,—добавляетъ отъ себя г. Эзовъ,—Ираклій предлагалъ русскому Двору то, что, по праву, принадлежало не ему, а Персіи,—предлагалъ верховную власть надъ Грузіею, которую *de facto* не былъ въ силахъ удержать за собою, и за это просилъ царское достоинство, котораго не имѣлъ въ Персіи“⁶⁵⁾.

⁶⁵⁾ См. Эзова: „Сношенія Петра Великаго съ армянск. народомъ“, стр. ХСII.

Комментаріи ко всему этому излишни,—здѣсь слѣдуетъ только обратить вниманіе на перешедшія всякія границы произволъ человѣка, одержимаго какимъ-то страннымъ побужденіемъ, захватывающимъ все его существо. По мнѣнію г. Эзова, Грузія того времени была какимъ-то приставствомъ персидскаго царства, а царь Ираклій являлъ собою лишь пристава и только!

Прослѣдите умственную нить и логическую послѣдовательность соображеній г. Эзова, и предъ вами предстанетъ странное явленіе. Сначала онъ говоритъ: „Царь Ираклій предлагалъ Россіи то, что по праву принадлежало не ему“, а потомъ,—что „предлагалъ то, что не въ силахъ былъ удержать“! Значить, было за нимъ это право собственности,—если же не было, то нѣтъ смысла утверждать, что онъ „не въ силахъ былъ удержать того, чего не имѣлъ“.

Сопоставьте все это одно съ другимъ и станеть очевиднымъ, что г. Эзовъ доказываетъ однимъ то, что отрицаетъ другимъ.

Обратите вниманіе еще на то, что г. Эзовъ глумится надъ царемъ Иракліемъ, самодержавнымъ царемъ Грузіи, наводившимъ въ одно время страхъ на самую Персію,—онъ, молъ, „уступалъ Россіи то, что принадлежало не ему“,—своего же монаха Минаса, обѣщающаго и уступающаго Россіи Ганжу-Карабахъ, почти окружаетъ ореоломъ славы и величія! Выходить, что Грузія не принадлежала царю Ираклію, монахъ же Минасъ могъ располагать судьбой Ганжи-Карабаха, находившагося тогда, не въ обиду будь сказано ученому г. Эзову, подъ владычествомъ персидскихъ хановъ, но отнюдь не этого пресловутаго монаха Минаса.

Грузинская пословица гласитъ: „И курица, напившись воды, обращаетъ взоръ свой къ Богу“⁶⁶⁾.

Если царь Ираклій „уступилъ то, что принадлежало не ему“, слѣдовательно, тѣмъ болѣе не могло принадлежать его наслѣднику и сыну, Георгію, то какъ же случилось, что Россія приняла Грузію отъ этого самаго наслѣдника царя Ираклія и заключила съ нимъ трактатъ? Хотя это именно обстоятельство должно было бы удержать и образумить г. Эзова! Если бы Грузія не была царствомъ, если бы владѣтели ея не именовались царями, то въ полномъ титулѣ Императора Всероссийскаго не было бы, между прочимъ, титула „царь Грузинскій“⁶⁷⁾. Значитъ, наименованіе Грузіи царствомъ, а правителей ея царями не измышленіе какое нибудь, а фактъ.

Если бы г. Эзовъ не отдался такъ опрометчиво влеченію страсти своей, то не думаемъ, чтобы онъ такъ необдуманно позволилъ себѣ посягнуть на правильность титула Императора Всероссийскаго. Если бы онъ хоть немного вникнулъ въ смыслъ словъ своихъ, то затрепеталъ бы отъ страха, говоря: „въ какую бѣду ввергъ меня языкъ мой“! Но пусть не трепещетъ и отъ этихъ нашихъ словъ: въ русскихъ законахъ есть много поводовъ для снисхожденія къ поступкамъ маіака. Допустимъ однако, что такъ и было на самомъ дѣлѣ, что ни Грузія никогда не была царствомъ, ни правители ея не имѣли царскаго званія; допустимъ, что Грузія не принадлежала ни царю Ирак-

⁶⁶⁾ Груз. посл. „ქათამი წყალს დაღევს და ღებრის შეხედავს“ *Прим. перев.*

⁶⁷⁾ См. „Сбор. Зак. Рос. Имп.“, т. I, ст. 37, изд. 1897 г. *Примѣч. перев.*

лію, ни Георгію. Отъ кого же, въ такомъ случаѣ, Россія приняла Грузію подъ свое покровительство? Если г. Эзова спросить объ этомъ, то окажется, что Грузію передалъ Россіи чуть-ли не армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ. Само собою разумѣется, онъ прямо не говоритъ этого, но прочтите-ка книгу Эзова, и вы придете къ этому заключенію.

Эта завѣтная мысль г. Эзова такъ хитро кружится на трехъ четырехъ страницахъ ⁶⁸⁾ около этого факта, такъ искусно проводится между строками, что вы неожиданно натываетесь на выводъ, что, не будь упомянутого архіепископа, Грузія не поступила бы подъ покровительство Россіи. Г. Эзовъ, между прочимъ, увѣряетъ, что „архіепископъ Іосифъ проявлялъ большую энергію: онъ воздерживалъ царя Ираклія, обнаружившаго готовность подчиниться Ага-Магометъ-хану, обнадеживая его русскою помощью, уговаривалъ хановъ содѣйствовать русскимъ войскамъ, присягою удостовѣряя ихъ, что не будетъ имъ никакихъ обидъ со стороны руссiйской“⁶⁹⁾. Словомъ, все, что ни дѣлалось въ этомъ смыслѣ, было дѣломъ рукъ одного лишь архіепископа Іосифа Аргутинскаго!

Когда былъ обнародованъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, Императоръ Павелъ, желая наградить своихъ новыхъ подданныхъ орденами, графскимъ и баронскимъ достоинствами, поручилъ Кноррингу доставить ему именной списокъ этихъ лицъ. Генералъ Лазаревъ, на запросъ къ нему по сему предмету, отвѣчалъ Кноррингу: „что касается крестовъ, то, по моему мнѣ-

⁶⁸⁾ См. Эзова: „Снош. Петра В. съ арм. нар.“, стр. XCIII, XCIV, XCV и проч.

⁶⁹⁾ Стр. CVI, idem.

нію, князя Ігнатій Тумановъ, Дарчи Бебутовъ и Соломонъ Аргутинскій-Долгоруковъ болѣ всѣхъ заслуживаютъ этой награды. Всѣ здѣшніе дворяне нисколько не лучше нашихъ однодворцевъ; кого же сдѣлать графами и баронами? Къ этому надо еще прибавить, что въ нѣкоторыхъ семействахъ одинъ изъ братьевъ преданъ намъ, а другой находится въ числѣ мятежниковъ. При дворѣ никто изъ нихъ не можетъ служить, потому что всѣ они не получили никакого образованія: трудно различить здѣшняго царевича отъ простого мужика“ ⁷⁰⁾.

Кноррингъ и Лазаревъ представили 17 человекъ, достойныхъ награды, въ числѣ ихъ грузинъ: кн. Соломона Авалишвили, моурава (правителя) сурамскаго кн. Евгенія Абашидзе, кн. Георгія Амилахвари, сардала (полководца) кн. Ивана Орбеліани, сардала кн. Георгія Цицишвили, сахлгъ-хуцеси и эшикъ-абаша (гофмаршалъ, чиновникъ для порученій при царицѣ Маріи) кн. Александра Макашвили, мдиванъ-бега (судья) кн. Сулхана Туманова, кн. Шанше Эристова, эшикъ-абаша Александра Чавчавадзе, ниноцминдскаго митрополита Михаила, бодбійскаго митрополита Іоанна, архимандрита Ефимія. „Есть еще много другихъ, достойныхъ награды“,—добавляетъ Кноррингъ, „но больше всѣхъ, молъ, они высказали усердіе и вѣрность къ Россіи“ ⁷¹⁾.

Вотъ видите, какъ Эзовъ обошелъ эгихъ, достойныхъ наградъ, грузинъ и 17 человекъ свелъ на три человека, и то только на однихъ армянъ, да еще при этомъ не упустилъ случая приплести, что „трудно молъ, различить здѣшняго царевича отъ простого мужика“.

⁷⁰⁾ Idem, стр. СХІІ. *Примѣч. перев.*

⁷¹⁾ См. акты кн. І, ст. 417—418, № 562.

Вотъ въ этомъ то и состоитъ армянская ученость! Насколько „похвально“ армянскій книжникъ обращается съ историческими фактами, настолько и даже еще болѣе безцеремонно дѣйствуетъ онъ, когда подтверждаетъ слова свои будто бы историческими данными. Подобную же продѣлку его обнаруживаетъ и нашъ журналъ „Моамбэ“. „Развязность и разнузданность г. Эзова до такой степени велики, что онъ говоритъ намъ: свѣдѣнія эти я почерпнулъ, молъ, изъ археологическихъ актовъ и смотрите такіе-то, такіе-то номера, именно: 529, 530, 531 и 532. Открываемъ первый томъ этихъ актовъ, перечитываемъ разъ десять и ничего подобнаго, что говоритъ г. Эзовъ, не находимъ. Откуда-же г. Эзовъ приплелъ,—продолжаетъ далѣе „Моамбе“,—что только одни армяне оказались достойными награды и что царевичи походятъ на мужиковъ? Тогда только вы разгадаете загадку, когда припомните затаенную мысль Эзова: *Грузія-де не Грузія, а древняя Арменія*“.

Эта соблазнительная, проклятая страсть сбиваетъ съ пути г. Эзова, прикрывающагося именемъ науки, и заставляетъ его городить вздоръ ⁷²⁾. Затрудняемся, который изъ ученыхъ фарсовъ г. Эзова передать, въ которыхъ онъ обрабатываетъ свои заранѣе состряпанные дѣла! Но и сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, куда гнуть линію, какъ съ нами обращаются, съ какимъ упорствомъ и систематичностью поносятъ грузинъ извѣстная группа армянъ и вдохновленные ею армянскіе ученые, философы, Деллингеры, Гіацинты и профессоры. Чего они только ни выкидываютъ, за какое

⁷²⁾ См. „Моамбэ“ 1899 г., № 1, стр. 58 и 59. Вышеприведенный курсивъ принадлежитъ „Моамбэ“.

недостойное, грязное оружіе они ни берутся, чтобы трубить о своемъ величіи, насъ же обдавать грязью; и какъ они изъ кожи лѣзутъ, чтобы внушить самимъ армянамъ ненависть и презрѣніе къ намъ. А между тѣмъ, сами же они кричатъ, что непристойно-де въ XIX столѣтіи, въ этотъ просвѣщенный вѣкъ, натравлять одну народность на другую и тому подобныя высокопарныя яразы, напоминающія позолоченную скорлупу орѣха, эдро котораго изѣдано червями.

Изъ этого выходитъ, что порицатели наши и травители—они сами, а мы или молчимъ, или обороняемся, запертые ими же въ крѣпости. Выходитъ, что натравлять, нападать—должно, а защищаться, отражать удары—грѣшно. Пусть они такую философію надуваютъ малютокъ, здоровымъ же и взрослымъ людямъ они не могутъ зажать ротъ, не могутъ заглушить въ человѣкѣ святого чувства собственного достоинства. Самое дорогое сокровище для человѣка—его личность, и никто не удивится, если на оскорбителя, поносителя личности честный человѣкъ накинется въ благородномъ негодованіи. Просвѣщенность придаетъ человѣку благородному мягкость тканого шелка, когда дѣло идетъ о состраданіи ближнему, и даетъ ему крѣпость ковананаго желѣза, когда онъ выступаетъ на защиту личнаго своего достоинства. Въ первомъ случаѣ мягкость—достоинство, а во второмъ—трусость и малодушіе. Въ первомъ случаѣ крѣпость—жестокосердіе, а во второмъ—достоинство.

Не лишне сказать и то, что если бы обложить налогомъ амохвальство и забрасываніе грязью ближняго, то сколько онѣмъло бы ученыхъ армянъ, къ чести своего народа и на успокоеніе грузинъ! Жаль, что не-

осуществимъ такой налогъ! Жаль, что и самохвалство, и бросаніе грязью доступны даромъ, безъ расхода.

VIII.

Легко догадаться, для чего такъ фокусничаютъ армянскіе грамотей-книжники. Удивляетъ насъ только, для чего такъ же обращаются съ историческими данными и нѣкоторые русскіе писатели. Чтобы доказать, что армяне душой и тѣломъ тверды и могучи, заслуживаютъ поддержки и что будущее принадлежитъ имъ, они приводятъ историческія данныя и тѣмъ стараются доказать каждому неоспоримость этихъ качествъ армянъ. Всѣ эти свои качества армяне доказали-де своею исторією, и мы жестоко ошибаемся-де, что къ этому способному, трудолюбивому, душою и тѣломъ сильному народу не протягиваемъ руки помощи, не даемъ ему ходу и задерживаемъ его развитіе.

Нечего и говорить, что ни одно государство не пріобрѣтетъ ни выгоды, ни уваженія, задерживая развитіе входящаго въ его составъ иноплеменнаго народа, какъ бы онъ малъ ни былъ. Нѣтъ на свѣтѣ народа, который, если только онъ мало-мальски культуренъ, не имѣлъ бы хотя какой нибудь исторіи и не былъ бы полезенъ принявшему его въ свой составъ государству, какъ бы оно ни было велико и могущественно. Недаромъ говорится: „не топчи ногою того, что посажено и принялось, а старайся, чтобы оно росло“⁷³⁾. Собственныя дарованія и хорошія качества какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа, въ какомъ изобиліи ни находились бы, все же не составятъ обузы, если ихъ прі-

⁷³⁾ „რაც უკვე დარგულია და ჰხარობს, ფ ხოთ ნუღარა დასთურგნავ, ეცადე გაიზარდოს“. *Грузин. осл. Прим. перев.*

умножить еще чужими. Поэтому большой грѣхъ не давать развиваться способностямъ какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа. Не меньшій грѣхъ— достоинства и заслуги одного лица приписывать другому, истиннаго труженика ставить въ тѣни, а загребающаго жаръ чужими руками выдвигать на свѣтъ, превозносить его до небесъ. Каждый долженъ гордиться лишь собственными заслугами, если онѣ имѣются, всякому свое.

Къ сожалѣнію, не такъ поступаетъ г. Влад. Гольмстремъ, напечатавшій въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ фельетонъ подъ заглавіемъ „И камни возопіютъ“⁷⁴⁾. Правда, эта газета одна изъ числа тѣхъ въ Россіи, которыя всегда защищаютъ угнетенную народность. Невозможно здравомыслящему и добросердечному человѣку, какой-бы національности онъ ни былъ, не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ направленію ея. Газета эта, къ чести своей и въ защиту слабыхъ, неугомонно взываетъ, что сила-де государства, какъ-бы оно велико и могущественно ни было, должна опираться на единодушіе, а не на единообразіе населяющихъ его народовъ. Поэтому-де лишь любовь и гуманное обращеніе составляютъ цементъ, на которомъ строится и держится цѣлость государства. Каждому—малому-ли, великому-ли,—долженъ быть предоставленъ свободный путь и каждый долженъ служить государству тѣми способностями, силами, дарованіями, которыми надѣлилъ его Господь Богъ. Нѣтъ на свѣтѣ никого, кто не обладалъ бы какою либо способностью или дарованіемъ, пригодными для государственной жизни,—а потому не стѣсняйте-де,

⁷⁴⁾ См. „Петер. Вѣдом.“ 1899 г., № 33.

дайте каждому дорогу, возможность развернуть, развить свои способности, свои добрые качества.

Г. Гольмстремъ проповѣдуетъ въ началѣ своей статьи именно это самое, и кто будетъ такъ дикъ и грубъ, что съ любовью и радостью не протянетъ руки ему и не запечатлѣтъ его словъ въ сердцѣ своемъ, какъ исполненныхъ правды и человѣколюбія.

Уже давно,—говоритъ г. Гольмстремъ,—чуткіе и предусмотрительные люди задавались вопросомъ: съ чѣмъ мы идемъ на Востокъ? Отвѣтъ получился далеко не благопріятный... Но съ точки зрѣнія проявленія матеріальной жизни, такъ сказать, орудіями внѣшней культуры мы очень мало обезпечены и еще не разобрались въ массѣ техническихъ вопросовъ нашихъ; но мы должны быть благодарны избытку духовныхъ силъ, выносившихъ русскій народъ цѣлымъ и невредимымъ изъ массы неурядицъ. Такъ было, между прочимъ, въ эпоху Петра Великаго, когда этотъ бурный геній могъ не опасаться, что его гоненіе на противниковъ повсѣмствъ приведетъ къ ослабленію стойкости національнаго характера и къ изсяканію народныхъ силъ: въ этомъ отношеніи русская земля была тогда „непочатымъ краемъ“, спящимъ львомъ. Теперь-де не то. Времена перемѣнились: духовныя силы народа приходится беречь; нужно стремиться приумножить, ихъ сохраняя все наиболѣе стойкое *умственно, духовно и физически* въ русской жизни, потому что,—горько признаться,—запасъ моральныхъ силъ, съ которыми мы выступаемъ на многотрудное дѣло на Дальнемъ Востокѣ, тоже очень невеликъ....

Ни съ однимъ народомъ не поступали такъ несправедливо, такъ не клеветали на него, какъ, молъ, на

армянъ. Чтобы найти истину въ армянскомъ вопросѣ, нужно обратить свои взоры къ сѣдой древности, къ археологамъ, къ ученымъ и путешественникамъ, еще не успѣвшимъ, молъ, проникнуться „политическою мудростью“ и испортить ею свою научную точку зрѣнія. „И камни вопіють“,—говорить не въ мѣру увлеченный г. Гольмстремъ,—камни, разбросанные въ предѣлахъ Араратской возвышенности и въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ, около Ванскаго озера, около Урміи, около Эрзерума, наконецъ въ Эриванской губерніи и въ Карсской области.

„Камни-де никогда не лгутъ“...

Справедливо, что камни не лгутъ, но, повторяемъ, „хорошему рассказчику нуженъ и хорошій слушатель“ ⁷⁵⁾. Ниже мы увидимъ, что у камней оказались плохіе слушатели. „Огненными буквами повѣствуютъ,—говорить тотъ же огорченный г. Гольмстремъ,—надписи на скалахъ о событіяхъ ассиро-вавилонской древности“.

И вотъ что рассказываетъ далѣе г. Гольмстремъ. Нашъ ассириологъ-археологъ Никольскій, обошедшій эти мѣста въ 1893 году, сдѣлалъ важныя открытія. Найденныя въ тѣхъ мѣстахъ клинообразныя надписи написаны на особомъ языкѣ и повѣствуютъ о многочисленномъ племенѣ, жившемъ въ верховьяхъ Тигра и Евфрата, около озеръ Вана, Урма, Гокчая. На ассирійскихъ памятникахъ X и IX вѣковъ до Р. Х. это племя называлось „найри“. Когда же во второй половинѣ IX ст. оно собралось въ одно госу-

⁷⁵⁾ Грузинская по. оворка: „ქაკი მთქმელსა კარგი გამგონი უბღა“. *Прим. перев.*

дарство, стали упоминать о немъ, какъ о странѣ Урарту, откуда происходитъ-де еврейское существительное Араратъ; имена эти-де тождественны. Центръ этого царства Урарту былъ первоначально въ Эриванской низменности, но потомъ, по стратегическимъ соображеніямъ, перенесенъ былъ на югъ, къ восточнымъ берегамъ озера Ванъ. Страна урартійскихъ царей заимствовала свою культуру отъ ассиро-вавилонянъ, но не разъ успѣшно оспаривала роль міровой державы у царей Ассиріи. При ассирійскомъ царѣ Тиглатъ-Паласарѣ III, въ первую половину VIII вѣка, перевѣсъ въ борьбѣ былъ на сторонѣ Урарту: весь сѣверъ и частью западъ ассирійской монархіи перешелъ въ руки урартійцевъ. Всѣхъ борьбы колебались, и могло случиться, что урартійцы захватили бы господство надъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ и дали-бы всемірной исторіи другое направленіе. Но перемѣна правленія и неожиданный подъемъ силъ спасли Ассирію. Ея враги были побѣждены. Урартійскій царь Урса поднялъ весь сѣверъ и частью западъ къ возстанію противъ Ассиріи, но былъ побѣжденъ.

Помимо всего этого, по словамъ, молъ, г. Никольскаго, надписи повѣствуютъ объ урартійской культурѣ, говоря о возникновеніи городовъ, дворцовъ, о проведеніи канавъ и т. п.

Письмена высѣкались то по приказу ассирійскихъ царей, то урартійскихъ,—смотря по тому, на чей сторонѣ, былъ перевѣсъ. Эти памятники глубокой таинственной древности носятъ слѣды борьбы двухъ началъ—*звѣрскаго и больше человѣческаго*: первое олицетворяется-де Ассирію, второе—Урарту...

Урартійцы,—говоригь далѣ тотъ же г. Гольмстремъ,—оказали большую услугу тогдашней цивилизаціи всего міра, а слѣдовательно, и цѣлому человѣчеству, во первыхъ, тѣмъ, что Урарту своимъ давленіемъ съ сѣвера препятствовало движенію ассирійцевъ,—народа съ звѣрскимъ направленіемъ,—на западъ и югъ, на Сирію, Палестину, Египетъ и вообще на сѣверо-западъ; вторая важная услуга, оказанная урартійцами міру, состоитъ въ томъ, что они съ одной стороны закрывали, со стороны Кавказа, путь скиѣамъ и другимъ сѣвернымъ варварамъ, чѣмъ не допустили до погнанія юго-западной цивилизаціи, а съ другой стороны сдерживали нашествіе кочевниковъ южныхъ степей, откуда вышла религія кочевыхъ народовъ,—религія войны во имя ислама. По словамъ г. Гольмстрема выходитъ, что урартійцы издревле были народомъ многочисленнымъ, передовымъ, направленія въ высшей степени гуманнаго, могучимъ, непоколебимымъ, стойкимъ и самоотверженнымъ, защитникомъ и стражею почти всего міра и такими бойцами, что чуть не измѣнили теченія всемірной исторіи.

Если существуютъ еще остатки націи, имѣющей такія заслуги, то какъ же не подать ей руки помощи, не поставить ее на ноги и не открыть ей пути для счастья человѣчества!

Правъ г. Гольмстремъ: было-бы большою неблагодарностью и несправедливостью со стороны нынѣшняго человѣчества поступить иначе съ остатками урартійцевъ, если только они гдѣ либо существуютъ. Г. Гольмстремъ утверждаетъ, что остатки ихъ и нынѣ существуютъ, но человѣчество несправедливо и неблагодарно поступаетъ съ ними. Грѣхъ, молъ, не поддер-

жать такого твердаго въ несчастіи, способнаго, сильнаго душою и тѣломъ и нравственными качествами, мужественнаго народа и не дать ему въ руки знамени нашей культуры для счастья и просвѣщенія всей Азіи.

Вотъ вѣдь, оказывается, какимъ милымъ, достохвальнымъ народомъ были аборигены прежняго Урарту. Теперь спросимъ: ради кого и ради чего столь щедро расточаетъ г. Гольмстремъ похвалу, кого онъ превозноситъ, упоминая о добродѣтеляхъ и заслугахъ урартійцевъ? Армянъ, которые будто бы, по происхожденію, потомки урартійцевъ. А такъ какъ по грузинской пословицѣ: „Каковъ батька, таково и дитяtko“ (დედა ხაბე, მამა ხაბე, შვილი ისე გამოხაბე), то г. Гольмстремъ и говоритъ, что, такъ какъ урартійцы были такимъ славнымъ народомъ, имѣющимъ заслуги предъ цѣлымъ человѣчествомъ,—энергичнымъ, стойкимъ и мужественнымъ—и такъ какъ нынѣшніе армяне происходятъ изъ того же племени, то ясно, что всѣ добродѣтели урартійцевъ перешли, по наслѣдству, къ армянамъ и составляютъ ихъ неотъемлемыя свѣйства, подкрѣпленныя историческими данными. Такимъ образомъ, армяне исторически доказали свою духовную и физическую стойкость и мощь, и поэтому нужно помочь, содѣйствовать въ движеніи по пути развитія такому душою и тѣломъ сильному, показавшему себя такимъ славнымъ еще съ незапамятныхъ временъ народу, который былъ человѣколюбивымъ даже тогда, когда другіе были еще звѣрьми.

Не можете себѣ однако представить, какая смѣшная исторія является слѣдствіемъ того невѣжества, которое такъ воспламенило несвѣдущаго въ этомъ дѣлѣ г. Гольмстрема. Если бы гг. Эзовъ и К^о знали,

какой народъ признается европейскими изслѣдователями подъ именемъ урартійцевъ, то скорѣе отскли бы руку г. Гольмстрему, чѣмъ позволили бы ему съ такой похвалою отзываться объ урартійцахъ.

Представьте себѣ, оказывается, что урартійцы—грузины, и, въ данномъ случаѣ, г. Гольмстремъ оказываетъ армянамъ услуги того простодушнаго медвѣдя, который, желая спугнуть со лба пріятеля безпокоившую его муху, хватилъ его по лбу камнемъ.

Точно такъ же поступилъ г. Гольмстремъ съ той извѣстной группой армянъ, символъ вѣры которой составляетъ присвоеніе выпеченнаго другими хлѣба, какъ будто у нея нѣтъ своего.

Такого удара никто еще ей не наносилъ, хотя г. Гольмстремъ собственно желалъ лишь возвеличить и прославить армянъ. Даромъ пропалъ порохъ! Г. Гольмстремъ пустилъ этой группѣ пулю въ грудь, желая бросить букетъ розъ. Не бывать добру отъ незнанія, отъ дѣланнаго, дутаго, искусственно возбужденнаго, но не отъ сердца исходящаго порыва.

Да, господа, урартійцы были предками грузинъ, плотью и кровью грузинскаго племени, къ несчастью если не г. Гольмстрема, то той группы армянъ, которая хватается, подобно обжорѣ, чужіе лакомые куски и одѣвается въ лучшее чужое платье, какъ будто своего ничего не имѣетъ и опасается, что если она не нарядится въ чужое, то останется въ томъ видѣ, какъ мать родила. На самомъ же дѣлѣ армяне вовсе не лишены собственныхъ достоинствъ.

Мы не безъ основанія говоримъ, что урартійцы были грузинами. Въ подтвержденіе этого мы заставимъ говорить тѣ же самые камни, вопль которыхъ выну-

дилъ г. Гольмстрема проливать слезы за армянъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ восклицать: „И камни вопіють! Камни не лгутъ“!

Мы въ своемъ мѣстѣ докажемъ г. Гольмстрему, что онъ рѣшается говорить неправду не только устами мертвыхъ камней, но даже устами уважаемаго живого человѣка. Такъ поступаетъ онъ съ Никольскимъ, который, можетъ быть, говорить что либо другое, но только не то, что утверждаетъ г. Гольмстремъ, ссылаясь на его свидѣтельство, и что лишь ежедневно грезится гг. армянскимъ ученымъ. Удивляемся, что съ этимъ уважаемымъ русскимъ ассиріологомъ, археологомъ такъ недостойно поступилъ русскій же писатель и его осторожное и солидное сужденіе по этому предмету намѣренно или по незнанію исказилъ, передѣлалъ, чтобы съ помощью его уважаемаго имени сбыть ложь извѣстной группы армянъ за правду. Очевидно, г. Гольмстремъ попалъ въ какую то ловушку, введенъ въ какое-то заблужденіе, вслѣдствіе чего, надо полагать, онъ ввелъ въ заблужденіе и уважаемая „Пестербургскія Вѣдомости“ и, такимъ образомъ, эту газету сдѣлалъ соучастницею въ фальши. И раньше мы говорили, что газета эта, къ чести своей, является заступницею слабыхъ, что она не вращается въ узкомъ кругу взаимной нетерпимости, а, напротивъ, всѣмъ—и малому, и великому—воздастъ должное, и что такая человѣколюбивая и гуманная дѣятельность ея обязываетъ каждого порядочнаго человѣка оберегать ее отъ лжи и обмана, не говоря о томъ, что вообще въ печати не должны имѣть мѣста ложь и сплетня. Скажемъ еще болѣе,—въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ печатное слово, добиваться своей цѣли посред-

ствомъ лжи и обмана изъ всѣхъ недостойныхъ поступковъ—позорнѣйшій и отвратительнѣйшій. „Имѣющіе уши слышати да слышатъ“. Мы глубоко сожалѣемъ, что и эту чистую газету не пожалѣли армянскіе ученые и ввели ее въ заблужденіе съ такимъ практическимъ расчетомъ: если хитрость удастся, то прекрасно, если же нѣтъ, то какое имъ дѣло, что газету уличатъ во лжи?! И о г. Гольмстремѣ они не особенно будутъ горевать: какое имъ дѣло, лишь бы было возможно доставать чужими руками каштаны изъ огня. Какъ же иначе прослыть за армянскихъ ученыхъ,—къ лицу-ли имъ въ виду этой цѣли щадить чужую личность и оберегать доброе имя человѣка?! Въ книгѣ ихъ торговой этики такого правила не полагается.

IX.

„И камни вопіють! Камни не лгутъ!“—горячо восклицаетъ г. Гольмстремъ! Какъ громко звучали бы эти за душу хватающія слова, какими высокими тонами зазвенѣли бы они на струнахъ человѣческаго сердца, если бы по самому содержанію полны были правды и не напоминали собою пустой орѣховой скорлупы безъ ядра. Такъ или иначе, но г. Гольмстремъ, якобы на самомъ дѣлѣ страдающій и болѣющій душою за правду, бія себя въ грудь, увѣряетъ, что урартійцы, имѣющіе немало заслугъ предъ міромъ, съ давнихъ временъ славившіеся высокими добродѣтелями и доблестями, были не кѣмъ инымъ, какъ армянами, и, слѣдовательно, нынѣшніе армяне, какъ плоть и кровь славныхъ урартійцевъ, являются, судя по историческимъ даннымъ слѣдой старины, наслѣдниками ихъ могучихъ физиче-

скихъ и душевныхъ силъ. Объ армянствѣ урартійцевъ вопіють камни, камни же, молъ, не врутъ.

Посмотримъ, такъ-ли это, какъ въ данномъ случаѣ пригрезилось г. Гольмстрему.

Франсуа Ленорманъ, о которомъ мы и раньше упомянули, считающійся среди людей науки знатокомъ исторіи древнѣйшихъ временъ,—авторитетный изслѣдователь клинообразныхъ надписей, въ особенности ассирио-вавилонскихъ. И вотъ именно тѣ самыя клинообразныя надписи, которыя, по увѣренію г. Гольмстрема, вопіють въ пользу армянъ, тщательно изслѣдованы этимъ знаменитымъ Ленорманомъ.

Именно онъ и доказываетъ, что Арменія есть географическій, но отнюдь не этнографическій терминъ и что это названіе въ первый разъ упоминается во времена Ахеменидовъ, именно въ концѣ VII столѣтія до Р. Х. Тогда еще и помину не было объ армянахъ, т. е. гайканцахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя асирійскія, а равно мѣстныя клинообразныя надписи называютъ собирательнымъ именемъ странъ „*Найри*“, а впоследствии „Урарту“, а племя, жившее тамъ,—урартійцами; гайканцы, гайосы (армяне) пришли въ Урарту въ VI ст. до Р. Х., клинообразныя же надписи, повѣствующія объ урартійцахъ, относятся къ болѣе раннему періоду, ибо самая поздняя надпись относится къ IX вѣку до Р. Х. ⁷⁶⁾.

Ясно, что клинообразныя надписи, высѣченныя за IX в. до Р. Х., не могли повѣствовать о народѣ, появившемся позднѣе, спустя почти три вѣка. „Камни

⁷⁶⁾ Ленорманъ: „Ассириологическія письма“, серія 1-я, письмо 2-е, стр. 124—129.

вопіють“, не правда-ли, гг. армянскіе ученые, грамотей! Вопить то вопіють, но „двери слуха вашего замкну-ты вами для нихъ“. ⁷⁷⁾).

Оставимъ въ сторонѣ даже это IX ст., когда камни запечатлѣли на груди своей нелицепріятныя и правдивыя сказанія и когда еще объ армянахъ не было и помину. О странѣ „Найри“, впослѣдствіи извѣстной подъ названіемъ „Урарту“, упоминается въ нѣкоторыхъ надписяхъ еще при ассирійскомъ царѣ Салманасарѣ и затѣмъ при Тиглатъ-Паласарѣ, — Салманасаръ же I царствовалъ въ XIV ст., а Тиглатъ-Паласаръ I въ XII ст. до Р. Х. ⁷⁸⁾.

Имѣемъ послѣ всего этого основаніе или нѣтъ спросить г. Гольмстрема: тѣ клинообразныя надписи, тѣ приводимые имъ въ свидѣтели камни какимъ чудомъ могли повѣствовать объ армянахъ, когда послѣдніе, спустя лишь шестьсотъ-семьсотъ, ну самое меньшее триста лѣтъ, появились въ той странѣ, въ которой урартійцы были аборигенами и боролись съ ассирійцами въ продолженіе шести-семи вѣковъ до прихода армянъ? И если ужъ они, урартійцы, имѣютъ какія-либо заслуги во всемірной исторіи, отличались твердостью характера, культурою, выказали физическую и нравственную мощь, то, конечно, ради своей славы, но отнюдь не для прославленія и возвеличенія армянъ.

Ясно, что тѣ клинообразныя надписи, вопли которыхъ будто бы такъ воспламенили г. Гольмстрема, и

⁷⁷⁾ Стихот. кн. Ал. Чавчавадзе: „*საფუტო ჯარბო მათთვის
გზეობისათ*“.

⁷⁸⁾ „Древности восточныя“ и проч. соч. г. Никольскаго, стр. 389.

которыя, по словамъ его же самого, происхожденія не позднѣ IX столѣтія, не могутъ служить подтвержденіемъ происхожденія армянъ отъ урартійцевъ, и мы въ данномъ случаѣ видимъ такое же ученое легкомысліе, на какое постоянно наталкиваемся, когда армянскіе философы и Деллингеры заводятъ рѣчь объ армянахъ.

„Филологія,—говоритъ Ленорманъ,—эта алгебра такъ называемой лингвистики, это могущественное и высокое средство, возстановительница древней этнографіи“,—доказываетъ намъ, что аборигены страны, называемой Арменіею, до конца VII вѣка до Р. Х. были родственнымъ племенемъ тому, къ которому относятся грузины и нѣкоторыя нынѣшнія народности Кавказа⁷⁹⁾. Это именно тѣ аборигены, которыхъ библія (X,3) называетъ „тогормами“, ничего общаго не имѣющими съ сынами Гайоса. Также и Іезекіиль называетъ аборигеновъ Арменіи „тогормами“ (XXVII, 14, XXXVIII, 6)—въ то время, когда большая часть клинообразныхъ надписей была уже высѣчена на камняхъ,—надписей, извѣстныхъ до настоящаго времени подъ названіемъ „ванскихъ“.

Ленорманъ весьма ясно доказываетъ, что урартійцы и алародійцы — синонимы. Помимо Ленормана

⁷⁹⁾ Очевидно, Ленорманъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду тушо-пшаво-хевсуровъ, свановъ, мингрельцевъ, лавовъ, такъ какъ всѣ они принадлежатъ къ грузинскому племени. Мы говоримъ это на томъ основаніи, что Ленорманъ въ томъ же письмѣ доказываетъ, что народы „урарту“ были всѣ одного и того же родственнаго происхожденія, и такъ какъ онъ прямо называетъ и грузинъ въ числѣ ихъ, то очевидно, что, въ данномъ случаѣ онъ подразумѣваетъ тѣ именно изъ теперешнихъ народностей Кавказа, которыя принадлежатъ къ картвельскому, а не къ иному, въ особенности армянскому, племени, съ которымъ, по его словамъ, урартійцы ничего общаго не имѣютъ.

и знаменитый англійскій ученый Раулинсонъ, на котораго сослался въ данномъ случаѣ самъ Ленорманъ, доказываетъ то же самое.

На этомъ тождествѣ урартійцевъ съ алародійцами и основаль Ленорманъ свой выводъ, что языкъ урартійцевъ и клинообразныя надписи должны называться алародійскими, но отнюдь не армянскими. Онъ утверждаетъ, что ни языкъ этотъ, ни народъ не имѣютъ никакого родства съ армянскимъ языкомъ и народомъ. „Раулинсонъ говоритъ,—добавляетъ Ленорманъ, — что „аларду“ представляетъ простой варіантъ „Араруда“, такъ какъ древніе парсы одинаково произносили и л. и р. Отъ „Араруди“ небольшой переходъ до „Арарата“, а отсюда и до упоминаемаго въ ассирійскихъ надписяхъ „Урарту“.

Къ этому Ленорманъ добавляетъ: „алародійцы (иверы) представляютъ именно ту старую расу, о которой мы выше упомянули и которая оставила клинообразныя надписи въ Арменіи. Что эти названія—синонимы, слѣдуетъ запомнить, такъ какъ это пригодится намъ ниже.

„По нашему мнѣнію,—говоритъ Ленорманъ,— языкъ (онъ имѣетъ въ виду упоминаемый г. Гольмстремомъ клинообразныя надписи) найденныхъ въ Арменіи клинообразныхъ надписей имѣетъ чрезвычайное сходство съ грузинскимъ... Надѣюсь въ будущемъ, когда мое настоящее изслѣдованіе подвинется впередъ, представить множество неопровержимыхъ доказательствъ такого сходства. Пока же я вамъ представляю несомнѣнное доказательство, основанное на склоненіи имени существительнаго“.

Здѣсь Ленорманъ приводитъ такіе поразительные примѣры, что убьетъ всякую охоту сомнѣваться даже въ томъ, кто одержимъ страстью во всемъ сомнѣваться, и въ концѣ добавляетъ, что „изслѣдованіе великаго Эжена Барнульфа усиливаетъ доказательство того, что языкъ клинообразныхъ надписей Арменіи и грузинскій одинъ и тотъ же“.

„Языкъ клинообразныхъ надписей никоимъ образомъ никокого, даже отдаленнаго сходства не имѣетъ съ языкомъ гайканскимъ“,—говоритъ Ленорманъ.— „Тотъ народъ, вырѣзавшій эти надписи ⁸⁰⁾ и за шесть вѣковъ до Р. Х. владычествовавшій въ Арменіи, не имѣлъ никакого родства съ армянами, съ гайосами, ни по происхожденію, ни по языку своему“.

„Гайосцы пришли въ Арменію въ то время, когда ванскія надписи уже существовали, именно въ то время, когда тотъ самый народъ (урарту), который вырѣзалъ эти надписи, ослабленный въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ непрекращавшимися войнами съ страшными владыками Ниневіи (ассиріянами) и Вавилономъ, отодвинулся, направился къ сѣверу, именно къ тѣмъ мѣстамъ, которыя въ древности назывались Иверією, а въ настоящее время именуются Грузією“ (Georgie).

Такимъ образомъ, по словамъ Ленормана, выходитъ, что армяне напрасно присвоиваютъ себѣ названіе урартійцевъ, прежнюю Великую Арменію напрасно считают своею первобытною родиной, и если какія либо доблести и добродѣтели урартійцевъ перешли къ кому-либо путемъ наслѣдственности и кто-либо мо-

⁸⁰⁾ Не забудемъ, что тутъ Ленорманъ говоритъ о вырѣзанныхъ клинообразныхъ надписяхъ урарту.

жетъ гордиться ими,—то исключительно грузины, но отнюдь не армяне.

Лишь только это изслѣдованіе Ленормана стало извѣстнымъ, не поздоровилось армянскимъ книжникамъ.

Покойный Илья Серебряковъ, профессоръ Лазаревского института, въ одной своей статьѣ ⁸¹⁾ говорить: „Ленорманъ не только устранилъ всякую мысль о родственномъ происхожденіи армянъ и грузинъ, но даже и самую территорію Арменіи до Ахаменидовъ изъялъ изъ владѣнія и навсегда укрѣпилъ за грузинами. Это обстоятельство до таковой степени озлобило профессора Патканова, что онъ не могъ успокоиться въ продолженіе 13 лѣтъ и въ концѣ концовъ, когда „лучшаго выдумать не могъ“, напечаталъ извѣстный свой фельетонъ, въ которомъ, съ большою ловкостью, присвоилъ себѣ чужой трудъ, далъ фактамъ превратное освѣщеніе и этимъ вздумалъ уничтожить и самыя лѣтописи грузинскія“.

Чего было покойному Серебрякову удивляться подобному поступку армянскаго ученаго! Это порокъ не новый, а еще изстари присущій армянскимъ грамотеямъ. Мы привели тому много фактовъ въ настоящей статьѣ. Можетъ быть, насъ, грузинъ, заподозрять въ пристрастіи, когда говоримъ объ этомъ предметѣ. Послушаемъ теперь такихъ свидѣтелей, какъ Ленорманъ и Генрихъ Раулинсонъ, и увидимъ, что переименованіе, присвоиваніе чужого, подчистка и подкабливаніе надписей на памятникахъ, захваты чужихъ мѣстъ и прочія подобныя добродѣтели съ давнихъ временъ были

⁸¹⁾ См. „Иверія“ 1891 г., № 36.

качествами армянъ и что съ давнихъ же временъ они знакомы были съ этими художествами.

„На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ,— говоритъ Ленорманъ,—я вынужденъ высказать то же самое, что и Генрихъ Раулинсонъ: „языкъ „урарту“ не имѣетъ никакого родства съ настоящимъ гайосскимъ языкомъ. Гайосы, выходцы изъ Фригіи, постепенно заняли возвышенныя мѣста, лежащія къ востоку отъ Фригіи, откуда они вытѣснили часть древнихъ урартійцевъ, часть же поглотили и ихъ названія, вѣру, языкъ, преданія замѣнили своими“.

Замѣна своими чужихъ наименованій, языка, преданій и тому подобнаго, оказывается, съ древнѣйшихъ временъ составляла обычную привычку армянъ— „привычка же—вторая натура“. Ленорманъ говоритъ въ томъ же сочиненіи своемъ, что армяне напрасно присваиваютъ себѣ происхожденіе отъ Торгомоса. Да и отчего же имъ этого не дѣлать: вѣдь для этого не требуется никакихъ расходовъ, даромъ дается!

Не одинъ Ленорманъ говоритъ, что гористая страна, извѣстная по клинообразнымъ надписямъ подъ названіемъ Урарту, еще въ 721 г. до Р. Х. была мѣстомъ обиталища грузинскаго племени и что урартійцы были націею, родственною грузинамъ. Другой большой знатокъ и изслѣдователь древнѣйшей исторіи Масперо говоритъ: „гористая страна (Урарту), въ которой берутъ свое начало Тигръ и Евфратъ, еще при ассирійскомъ царѣ Саргонѣ (721) была населена только однимъ, совершенно отличнымъ отъ современныхъ армянъ и родственнымъ грузинамъ, племенемъ. Такой выводъ-де Ленормана былъ блестяще

подтвержденъ учеными трудами и Сэйса и Гуяра“ ⁸²⁾. „Что же касается ихъ (урартійцевъ) происхожденія, то оно покрыто мракомъ неизвѣстности,—говоритъ тотъ же Масперо.—Одни ученые считаютъ ихъ переселенцами съ сѣвера или востока, впервые осѣвшими въ Арменіи, у подошвы Арарата, по верхнему теченію рѣкъ: Тигра, Ефрата и Куръ (Кирь, Кура),—другіе переносятъ ихъ первоначальныя поселенія далѣе къ югу, на Аравійскій полуостровъ“ ⁸³⁾.

Такимъ образомъ, громкій и грозный крикъ г. Гольмстрема „И камни возопіютъ!.. Камни не лгутъ!“ оказывается пустыми словами, неискусно раздутыми, а вопль его за армянъ—простымъ фейерверкомъ, послѣ котораго остаются лишь пепель и чадъ. Выходитъ, что человекъ, при желаніи, можетъ принудить себя отказаться отъ своихъ словъ и такихъ надежныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтелей, какъ „вопіюшіе камни“. Случись это съ армянскимъ ученымъ,—еще понятно. Подобныя продѣлки—обычная болѣзнь армянскихъ ученыхъ. Въдѣ есть же натуры, для которыхъ „привычное горе лучше непривычнаго веселія“ ⁸⁴⁾. Но поразительнѣе всего то, что такъ обращается съ наукою тотъ, кто такъ горячо, съ такимъ усердіемъ трубитъ: „И камни возопіютъ!.. Камни не лгутъ!“. Слыханное-ли дѣло—такъ глумиться надъ воплями камней и надъ ихъ неопровержимыми свидѣтельствами!) Лонзволѣ скажешь:

⁸²⁾. См. Масперо: „Древн. истор. восточн. народовъ“, стр. 431, изд. 4-е.

⁸³⁾. См. Масперо: „Древн. истор. вост. народ.“, стр. 136.

⁸⁴⁾. Грузин. послов.: „შეპყვეული პარი სჯობის, შეუპყველი ლს ლიხის“. *Прим. перев.*

„О, жизнь въ чемъ суть твоя, въ чемъ твой законъ. Зачѣмъ ты вертишь нами, какъ игрушкой?“⁸⁵⁾.

Х.

Г. Гольмстремъ не ограничивается тѣмъ, что представляетъ камни лгать; камень—предметъ мертвый, не можетъ защитить себя, не въ силахъ упрекнуть: „зачѣмъ ты переиначивалъ, передѣлывалъ мое слово, мое сказаніе, зачѣмъ ты заставилъ меня вмѣсто правды сказать ложъ?“! Дѣло въ томъ, что г. Гольмстремъ поступаетъ точно такъ же и со свидѣтельствомъ живого человѣка. Г-нъ Гольмстремъ не стѣсняется ни того, что живой свидѣтель не проститъ ему такого поступка, ни того, что другіе мсгутъ обличить его. Этотъ авторъ высокопарныхъ фразъ приписываетъ г. Никольскому такія розсказни, какихъ тотъ и въ помышленіяхъ не имѣлъ; напротивъ, г. Никольскій говорить и доказываетъ совершенно противоположное тому, что отъ его имени утверждаетъ г. Гольмстремъ. Изъ словъ г. Гольмстрема видно, будто г. Никольскій подтверждаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ. Но вѣдь г. Никольскій не грамотей армянскій, и, слѣдовательно, его свидѣтельство имѣетъ особенное значеніе. Спросимъ-ка самого г. Никольскаго: правда-ли то, что приписывается ему г. Гольмстремомъ?

Вотъ что г. Никольскій пишетъ по поводу именно этихъ камней, „воплъ“ которыхъ заставилъ такъ некстати вспыхнуть г. Гольмстрема: „Ванскія клинообразныя надписи, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, относятся къ концу IX и къ первой половинѣ VIII стол. до Р. Х.“⁸⁶⁾.

⁸⁵⁾ Слова Шота Руставели: „პე, სოფელს რა შიგან ხარ, რას გვაბრუნებ, რა ზეგ გვირბა“. *Прим. пер.*

⁸⁶⁾ См. „Древности восточныя“, т. 1, ст. 377, стат. Никольскаго.

Очевидно, онъ того же мнѣнія, что упоминаемне въ надписяхъ этихъ народы—не армяне, такъ какъ до конца VIII ст., или, лучше сказать, до начала VI ст. до Р. Х. объ армянахъ въ окрестностяхъ Вани не было и помину, какъ мы это выше видѣли, какъ это въ настоящее время признано людьми науки и какъ это печатно подтверждено даже и армянскимъ профессоромъ Паткановымъ,—поневолю, за неимѣніемъ другого исхода.

Вотъ примѣръ невѣжества г. Гольмстрема и доказательство того, что г. Никольскій, какъ человѣкъ знающій и серьезный изслѣдователь, не могъ „отлить пулю“, навязываемую ему г. Гольмстремомъ. Если бы г. Никольскій допустилъ, на основаніи ванскихъ камней, тождество армянъ съ урартійцами, то онъ обязательно долженъ былъ бы допустить, что эти камни свидѣлствуютъ и о происходившемъ лишь триста лѣтъ спустя. Пока еще никто не слыхалъ о подобной способности камней,—объ ихъ пророчествѣ, и какъ мы отважимся приписать такую безсмыслицу г. Никольскому, извѣстному за осторожнаго и солиднаго ученаго?! Но это еще ничего.

Г. Никольскій говоритъ: „до сего времени не удалось еще найти той родственной семьи, къ коей можно было бы отнести этотъ языкъ (языкъ ванскихъ надписей). Онъ представляетъ нѣчто совершенно изолированное. Нѣкоторыя одиночныя явленія, сходныя съ грузинскимъ языкомъ, еще не даютъ права къ установленію родственной связи, хотя возможность этого родства признается почти всѣми изслѣдователями этихъ надписей. Къ сожалѣнію, сравнительное изученіе кавказскихъ языковъ, и особенно грузинскаго, несовер-

шенно, и, во всякомъ случаѣ, только отъ грузинологовъ лингвистовъ мы можемъ ожидать болѣе рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ“ ⁸⁷⁾).

Видите, съ какою осторожностью, сдержанностью и предусмотрительностью обращается г. Никольскій съ фактами, какъ это и подобаетъ истинному, правдолюбивому ученому, который прежде, нежели выкроить, разъ десять отмѣривъ. Видите ли, что хотя г. Никольскій и не даетъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ о родственной связи урартійцевъ съ грузинами, но и не говоритъ, однако, что урартійцы армянамъ сродни. Г. Никольскій не дѣлаетъ даже отдаленнѣйшаго намека на родственную связь урартійцевъ съ армянами. Такъ откуда же г. Гольмстремъ взялъ, что г. Никольскій подтверждаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ? Пусть на этотъ вопросъ отвѣтятъ намъ г. Гольмстремъ или же книжники-грамотеи армянскіе. Но и въ этомъ пока нѣтъ ничего особеннаго.

Вотъ еще болѣе убѣдительный примѣръ упоминанія всуе имени г. Никольскаго и того, какъ г. Гольмстремъ навязываетъ ему лжесвидѣтельство.

Удивляемся, какъ г. Никольскій не протестовалъ противъ подобнаго упоминанія своего почтеннаго имени. Это, впрочемъ, отчасти понятно: дѣловому человѣку некогда обращать вниманіе на то, кѣмъ и когда произносится имя его всуе. Къ сожалѣнію такая, ложная ссылка, на какую рискнулъ г. Гольмстремъ, влечетъ за собою неосновательное обвиненіе въ полномъ незнаніи, невѣжествѣ такого уважаемаго ученаго, какъ г. Ни-

⁸⁷⁾ См. „Древности восточныя“, стр. 377, ст. г. Никольскаго.

кольскій, дѣйствительнаго знатока своего дѣла, а не вертопраха, какъ армянскій ученый.

Тутъ осмѣяны сама наука и ея выгоды, опредѣленія, ея изслѣдованія—и чѣмъ же именемъ? Именемъ и свидѣтельствомъ г. Никольскаго! Вотъ что непростительно, неприлично а не ложное упоминаніе имени человѣка, хотя и за это нельзя похвалить Послушаемъ самого г. Никольскаго и разсудимъ.

„Страна Урарту, по ассирійскимъ и вавилонскимъ источникамъ, была частью болѣе обширнаго цѣлаго, которое называется въ нихъ странами Наири... Въ наукѣ пока не установлено твердаго понятія и точнаго наименованія этихъ народностей, но, по мнѣнію Ленормана и Гоммеля, можно было бы ихъ назвать алародійцами“... „Если къ ней (націи алародійцевъ) не принадлежать нынѣшніе грузины, то ее слѣдуетъ считать совершенно исчезнувшей изъ среды нынѣшнихъ обитателей Малой Азіи и Закавказья. (См. „Древности восточныя“ т. I, стр. 389, ст. Никольскаго).

Очевидно, по мнѣнію г. Никольскаго, потомками урартійцевъ (они же алародійцы) слѣдуетъ признать нынѣшнихъ грузинъ, или же родственныхъ имъ народностей не существуетъ болѣе.

Въ чемъ же тутъ видно свидѣтельство г. Никольскаго, что урартійцы—армяне? Напротивъ, вышеприведенныя слова г. Никольскаго не являются-ли яснымъ и категорическимъ отрицаніемъ того, что такъ безцеремонно навязываетъ ему г. Гольмстремъ, беззащитно и беззаботно сбывая его именемъ, какъ будто въ этомъ ничего нѣтъ дурного, предосудительнаго.?

Повторяемъ еще: грѣшно, непростительно навязывать, по своей прихоти, такому почтенному, осторож-

ному, солидному ученому ложь и разносить ее по бѣлу свѣту. Что побудило г. Гольмстрема непочтительно отнестись къ наукѣ и къ Никольскому?

„Камни-де вопіють!.. Камни-де не лгутъ“! . Не камни вопіють, а вопіетъ необдуманнѣйшій поступокъ г. Гольмстрема. Не камни лгутъ, а г. Гольмстремъ говоритъ неправду, бія себя въ грудь, какъ фарисей, играя на звонкихъ струнахъ якобы поруганной истины и проливая крокодиловы слезы за поправленную правду. Комедія хороша на сценѣ, но когда передъ нами въ жизни вмѣсто сердца сжигаютъ тряпку, надѣясь, что она сойдетъ подъ видомъ сердца,—подобная комедія только возмущаетъ душу. Г. Никольскій идетъ еще дальше, говоря, что величайшимъ и могущественнымъ народомъ въ Сиріи и Малой Азіи, создавшимъ свою особенную культуру и явившимся мужественнымъ соперникомъ Египта и Сиріи, были хетты, принадлежавшіе къ алародійскому племени⁸⁸⁾, и что алародійцы, очевидно,—та же народность, что урартійцы—отъ слова „Урарта“ Араратъ, только буква *р* замѣнена буквою *л*. „Тобали“⁸⁹⁾—народъ, жившій въ Каппадокіи, очевидно,—родственное-де племя съ алародійцами⁹⁰⁾.

⁸⁸⁾ См. „Древн. вост.“, т. 1, стр. 389, ст. Никольскаго.

⁸⁹⁾ „Древн. восточ.“, гл. 1, стр. 387, ст. Никольскаго.

⁹⁰⁾ *Примѣчаніе*. Что въ Каппадокіи когда то жили дѣйствительно грузины и что эта страна принадлежала имъ, подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что и теперь тѣ мѣста, рѣки и горы, гдѣ была Каппадокія, носятъ грузинскія названія. Достоверныя примѣры этого приводитъ покойный Чубиновъ, со словъ Киперта, Вивіена, Сенъ-Мартена, Тесіа, Гаджи-Холмаса—мусульманскаго писателя-географа. Напримѣръ—*Тіанети*, *Чхоруми*, посадъ близъ гор. *Амасси*, родина Страбона, какъ ниже увидимъ; *Тавіа*, посадъ близъ гор. Кишеръ, къ сѣверу, *Мужури*, къ югу отъ этого

города; *Тамармэ*, близъ гор. Кессаріи; *Оргубэ*, тамъ же, близъ Кессаріи; *Кармуръ-Сахли*, *Чичакисъ-миа*, близъ гор. Кишеръ, *Эрджииш-мта* въ Киликіи, *Теджирисъ-мта*, близъ гор. Сива, *Ацмурисъ-мта*, близъ гор. Милитени, *Гаудрисъ-мта*, *Чхотали*, *Чилобисъ-мта*, *Ортаквисъ-мта*, близъ гор. Нигди, *Пархали* и *Деда-мта*, близъ Саро, *Кутаіа*, *Гомииш* (по мингрельски буйволь), *Чала*, *Іазисъ-Кари* (*Таиисъ-Кари*), *Тавиони*, *Энгуры*, *Кари-Базари*, *Кизики*, г. на берегу Мраморнаго моря *Они*, на берегу Чернаго моря, *Намчилобевисъ-мта*, *Жомира* (Жамури), *Қаджтъ Кари*, *Небіани*, *Қурдбели*, *Товъ*, *Шависъ-мта*, *Атени*, *Гемріели-цкали* (на каротѣ ошибочно обозначено *Гемріели-чай*), *Тезами*, *Балхорисъ-мтеби*, лежащія на границѣ Понта и Грузіи и нынѣ называемыя „*Гурджи-Богазъ*“ (грузинская степь). По словамъ Чубинова, самъ Ксенофонтъ повѣствуетъ, что „Трапезондъ — городъ, построенный греками въ странѣ колхидцевъ“. Чубиновъ приводитъ также слова извѣстнаго Страбона, что Каппадокія была обиталищемъ одного родственнаго народа и что такъ какъ самъ Страбонъ былъ изъ гор. Амасси и мать его была чанка (мингрелка), то и слова его заслуживаютъ вѣры, какъ почти уроженца тѣхъ мѣстъ. Покойный Чубиновъ подтверждаетъ свѣдѣнія о Страбонѣ ссылкой на его же сочиненія. Этотъ же самый авторъ высказываетъ предположеніе, заслуживающее довѣрія и указывающее, что грузины были коренными жителями Каппадокіи. Святые отцы Іоаннъ Зедазенскій и двѣнадцать его учениковъ, пришедшіе въ Грузію для распространенія и утвержденія христіанства, были — де каппадокійскіе грузины. Трудно повѣрить-де, чтобы они безъ знанія грузинскаго языка могли что либо сдѣлать и пріобрѣсти послѣдователей. Правда, этихъ святыхъ отцовъ называютъ сирійцами, но древніе писатели считали каппадокійцевъ сирійцами или месопотамцами (Тесіэ: „Малая Азія“, стр. 500).

Самъ св. Георгій былъ-де каппадокійцемъ и поэтому чтимъ всюю Грузією. Равноапостольная Нина была родственницею Георгія, — также каппадокійка, слѣдовательно, знала грузинскій языкъ, безъ знанія коего не могла-бы проповѣдывать Христово ученіе и обратить грузинъ. Кто желаетъ еще большаго доказательства всего вышесказаннаго, пусть обратится къ сочиненію Д. Чубинова: „Этнографическое изслѣдованіе прежнихъ и настоящихъ коренныхъ обитателей Каппадокіи или Чанети“. („Иверія“, 1877 г., №№ 14, 15, 16 и 17). Статья эта была напечатана и поруски и самимъ авторомъ прочтена на одномъ изъ собраній петербургскихъ ученыхъ.

Масперо также доказываетъ, что „хетты“ были родственны тубаламъ, извѣстнымъ подъ именемъ мосоховъ, тубалы же и мосохи признаны за народъ грузинскаго племени. Страна хеттовъ, по словамъ Масперо, „лежала между двумя главными государствами древняго міра—Халдеей и Египтомъ, вслѣдствіе чего она сдѣлалась вскорѣ однимъ изъ богатѣйшихъ рынковъ Востока. Народъ этотъ обладалъ высокоразвитой цивилизаціей, имѣлъ свою литературу и процвѣтавшую промышленность. „Почти все, что мы знаемъ объ этомъ народѣ,—говоритъ Масперо—позаимствовано изъ египетскихъ и ассирійскихъ источниковъ, такъ какъ памятники его очень малочислены и мало извѣстны. Надписи, начертанныя гіероглифическими письменами, совершенно отличными отъ египетскихъ, до сихъ поръ не поддаются усиліямъ ученыхъ, пытающихся разобрать ихъ“⁹¹⁾.

Если только Никольскій и Масперо правы въ томъ, что хетты и грузины одно родственное племя,—то мы здѣсь немного приостановимся, такъ какъ, быть можетъ, на представится другого случая говорить объ этомъ, что будетъ очень жаль, потому что о такомъ замѣчательномъ народѣ, какимъ были хетты, до настоящаго времени не было свѣдѣній въ нашей литературѣ.

Хетты, или, какъ другіе называютъ ихъ, гитты, были многочисленнымъ, съ значительнсю культурою, народомъ, имѣвшимъ большое значеніе въ исторіи. Опасемся говорить о нихъ,—и опасемся потому, чтобы не дать гг. армянскимъ грамотеямъ-книжникамъ и

⁹¹⁾ Масперо: „Исторія народ. древняго Востока“, стр. 178—179.

К^о (амкару) случай зацапать чужое—выдать себя за хеттовъ и, такимъ образомъ, по обыкновенію, облекшись въ чужое, похвастаться предъ свѣтомъ: „вотъ де каковы мы были“! Но такъ какъ „никто не уничтожаетъ своей баранты изъ боязни волковъ“, то и мы не заждемъ себѣ рта.

Англійскій ученый Р. Андерсонъ говоритъ, что источникомъ европейской цивилизаціи служить цивилизація хеттовъ, или тѣхъ же гиттсвъ, и что Европа должна быть признательна имъ, „такъ какъ начатки греческой культуры заимствованы отъ гиттическихъ завоевателей“. Во многихъ мѣстахъ Малой Азіи человѣкъ натывается на слѣды нынѣ исчезнувшей, когда то блестящей культуры. Въ Эйюкѣ, въ Малой Азіи, близъ р. Галиса, текущей на сѣверъ къ Черному морю, до сихъ поръ бросаются въ глаза развалины стѣнъ огромнаго гиттического дворца съ гигантскими кубическими глыбами камня. Дорогу къ нему охраняли высѣченные изъ камня львы; главный входъ защищали массивныя гранитныя глыбы съ высѣченными на нихъ рельефными изображеніями сфинксовъ. Множество архитектурныхъ дѣталей обличаетъ подражаніе египетскому искусству; самое зданіе расположено, подобно вавилонскимъ дворцамъ, на искусственной земляной насыпи. Полагаютъ, что это былъ лѣтній дворецъ, куда удалялись цари Кодеша (столица хеттовъ), когда „жгучее солнце Сиріи слишкомъ нагрѣвало долину Орлята“. Специалисты геральдики должны удивляться, что двуглавый орелъ Германіи, Россіи и Австріи произошелъ отъ исчезнувшаго искусства и символизма гиттитовъ. Несомнѣнно, что его изображеніе преобладаетъ на гиттическихъ памятникахъ; будучи „присво-

енъ позднѣе туркоманскими царями“, онъ былъ занесенъ крестоносцами въ Европу; такъ“ онъ сдѣлался эмблемою германскихъ императоровъ, отъ которыхъ перешелъ въ новѣйшія государства Россіи и Австріи“⁹²⁾).

„Нѣкоторые величайшіе люди древней Греціи,—говоритъ Андерсонъ,—произошли изъ Малой Азіи, каковы Гомеръ, Эалесъ, Пифагоръ и Геродотъ. Кому при мысли о нихъ приходятъ на умъ эгейскіе города тотъ можетъ заглянуть еще глубже—въ культуру гиттитовъ или Хиты“⁹³⁾).

Андерсонъ, упоминая объ одномъ фактѣ⁹⁴⁾, продолжаетъ: „это ясно показываетъ, что Хита, страна гиттитовъ, была равною по положенію и могуществу съ самимъ Египтомъ“⁹⁵⁾).

Какъ Андерсонъ, такъ и Масперо восхваляютъ культуру, богатство, мужество и могущество хеттовъ.

Удивительно, какъ армянскіе ученые не обратили вниманія на такой похвальный отзывъ по адресу гиттитовъ (хеттовъ) и упустили его изъ виду. Должно быть, объ этомъ имъ не было извѣстно: иначе они не допустили бы подобной похвалы родственному грузинскому племени народу. Притомъ же имъ извѣстно, что грузины безпечны и что, по добротѣ сердечной, они не скажутъ: „Братья и друзья! мы знаемъ, что вы добры, знаемъ, что вы устраиваетесь тамъ, гдѣ чуете запахъ хлѣба, и, не спрашивая, кѣмъ онъ выпеченъ, преспокойно его ѣдите, лишь бы онъ былъ

⁹²⁾ Андерсонъ: „Истор. умершихъ цивилизацій вост“. Русскій пер. 1898 т., стр. 65, 66.

⁹³⁾ Ibid., стр. 65 и 66.

⁹⁴⁾ О договорѣ Рамзеса съ великимъ царемъ гиттитовъ. *Прим. перев.*

⁹⁵⁾ idem, стр. 62. *Прим. перев.*

вкусенъ. Но вѣдь и совѣсть имѣетъ свою цѣнность, пора и честь знать: чего вы пристааете къ намъ?! Предоставимъ каждому свое“. Но что прикажете дѣлать? „Сердце человѣка завистливо, жадно и ненасытно“. ⁹⁶⁾).

XI.

Мы уже видѣли, какъ тщетно г. Гольмстремъ сослался на г. Никольскаго, доказывающаго будто бы родство урартійцевъ съ армянами. Теперь сошлемся на того же Никольскаго, чтобы показать, какъ упорно прибѣгаютъ армянскіе книжники къ разнымъ продѣлкамъ и ухищреніямъ, чтобы заставить вопіющіе камни говорить угодное имъ, книжникамъ, и, такимъ образомъ, заставляютъ лгать даже ихъ. Подъ видомъ якобы вопіющихъ камней вопіютъ, собственно говоря, ихъ лживыя уста „отъ избытка ихъ сердечныхъ“ вожделѣній.

По словамъ г. Никольскаго, армянскій епископъ Месропъ нашелъ нѣсколько клинообразныхъ надписей. Г. Никольскій по этому поводу говорить: „Въ началѣ шестидесятихъ годовъ г. Месропъ, тогда еще простой монахъ, вычитавъ изъ сочиненій мхитаристовъ, что тамъ, гдѣ въ настоящее время обитаютъ армяне, существуютъ клинообразныя надписи, пожелалъ собрать ихъ, полагая, что онѣ будутъ имѣть весьма близкое отношеніе къ древней исторіи Арменіи“. По словамъ того же Никольскаго, г. Месропу повезло, но не въ ту сторону, на которую онъ рассчитывалъ. Онъ открылъ шесть или восемь надписей; снявши ихъ, онъ послалъ

⁹⁶⁾ Груз. погов. „გული კრუნი კაცისა, ხარბი და გაუძლო-
ველი“ *Прим. перев.*

ихъ ученымъ, знатокамъ этого дѣла, именно Мордтмону, Сэйсу и Мюллеру. Передатчикомъ и посредникомъ былъ профессоръ Паткановъ, полагавшій, что эти надписи—историческіе памятники армянства, и, конечно, отъ этой радости пришедшій въ телячій восторгъ. Впослѣдствіи оказалось, говорить г. Никольскій, что тѣ клинообразныя надписи написаны на языкѣ, неимѣющемъ ничего общаго съ армянскимъ ⁹⁶).

Нечего и говорить, что извѣстіе это огорошило какъ г. Месропа, такъ и г. Патканова. Необходимо знать, что большая часть найденныхъ г. Месропомъ надписей открыта къ сѣверо-западу въ 25 верстахъ отъ Эчмиадзина. Тамъ есть одинъ холмъ, называемый „Блурі“; у холма этого находятся какія то древнія развалины; армяне давно зрятыя на нихъ и говорятъ, что именно тамъ была ихъ столица—какой то миѳическій „Армавиръ“. Любопытные ученые добрались и до этихъ мѣстъ. Стали производить раскопки подъ руководствомъ гр. Уварова, осматривали развалины, старались и такъ и сякъ,—работы производились въ продолженіе семи дней,—но не нашли ничего утѣшительнаго и радостнаго для армянъ. Г. Месропъ и г. Паткановъ, разумѣется, начали спорить и заявили претензію, что дурно, молъ, производились раскопки, и вновь потребовали изслѣдованія тѣхъ мѣстъ.

Такую настойчивость,—говоритъ г. Никольскій,—можно объяснить только ошибочнымъ мнѣніемъ о характерѣ и происхожденіи надписей и понятнымъ со стороны армянскихъ ученыхъ увлеченіемъ мыслью най-

⁹⁶) Г. Никольскій: „Древн. Восточн.“ Т. I, стр. 378, 381

ти древнюю столицу Арменіи“.(См. „Древности Восточ.“, Т. I., стр. 380).

Видно, неотъемлемое качество армянских ученых—добиваться цѣли своей путемъ упрямства. Видно, что, настаивая на своемъ, они стараются замалчивать все, что не входитъ въ ихъ расчеты, хотя бы это было неопровержимой истиной. Г. Никольскій объясняетъ ихъ упорство „ошибочнымъ мнѣніемъ ихъ и понятнымъ со стороны армянскихъ ученыхъ увлеченіемъ“, очевидно, не желая, изъ приличія и сдержанности, сказать большаго и назвать поступокъ ихъ настоящимъ именемъ.

Въ числѣ надписей, найденныхъ г. Месропомъ, по словамъ г. Никольскаго, есть одна, обозначенная подѣ № XV и найденная вблизи мѣстности, называемой „Захалу“. Снимокъ съ этой надписи былъ помѣщенъ въ газетѣ „Араратъ“, издававшейся въ Эчміадзинѣ. По поводу этой надписи г. Никольскій пишетъ что „снимокъ съ нея (съ захалусской надписи), помѣщенный въ „Араратъ“, представляетъ текстъ въ такомъ изуродованномъ видѣ, что знаки даже почти не напоминаютъ знаковъ ванскаго письма. Можно догадываться, что снимавшій надпись намѣренно хотѣлъ придать знакамъ сходство по формѣ со знаками персидскихъ надписей Ахаменидовъ, воображая, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія“ (тамъ же, стр. 380).

Подобному художеству, фальсификаціи не можетъ бытъ чуждѣ тотъ, кто вынимаетъ камни изъ древнихъ монастырей или соскабливаетъ грузинскія надписи и замѣняетъ ихъ армянскими, или же воруетъ камни эти и чортъ знаетъ куда ихъ

забрасываетъ. Спрашивается, какая выгода была искажать, переименовывать вышеупомянутую надпись? Фиглярство, фальсификація, подлогъ, правда, требуютъ большого умѣнія, продолжительныхъ упражненій и нѣкотораго рода смѣлости, но, однако, все это не такое заслуживающее похвалы и славы занятіе, чтобы прельститься имъ, или, лучше сказать, позволить себѣ заниматься подобными художествами только изъ любви къ искусству. Слѣдовательно, спросимъ: зачѣмъ понадобилось придать древнимъ надписямъ ассирійской эпохи характеръ надписи эпохи Ахаменидовъ, какъ это видно изъ словъ г. Никольскаго? А вотъ какой интересъ можно предположить: изъ предыдущихъ строкъ мы знаемъ, какое важное значеніе для истиннаго ученаго имѣетъ то обстоятельство, что ванскія надписи относятся къ до-ахаменидской эпохѣ, а армяне лишь во время Ахаменидовъ появились въ Арменію, до того же ихъ тамъ не было,—и вотъ почему армянскіе ученые стараются доказать, что надписи относятся не къ эпохѣ ассирійской, а къ эпохѣ Ахаменидовъ. Если бы эти надписи относились къ ассирійской эпохѣ, т. е. къ тому времени, когда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти надписи найдены, не было помину объ армянахъ, они не такъ легко могли бы присвоить ихъ—не могли бы утверждать, что въ нихъ повѣствуется ихъ исторія. А если бы онѣ оказались принадлежащими къ эпохѣ Ахаменидовъ, тогда они легко могли бы соткать изъ фальсификаціи паутину для присвоенія чужого имени и исторіи, и никто не могъ бы возразить имъ: „васъ еще не было, когда появились эти надписи“.

Развѣ эти продѣлки, эта фальсификація не то же самое, что сказали объ армянскихъ ученыхъ Д. Ба-крандзѣ, Илья Серебряковъ, Ленорманъ, Раулинсонъ, Никольскій или не то, что мы говоримъ въ настоящей статьѣ? Послѣ всего этого развѣ не ясно, что такіе ученые, какъ Паткановъ, философы, какъ Арцруни и разные Эзовы, Худабашовы и весь ихъ цехъ, ничѣмъ не брезгаютъ, лишь бы свое черное обѣлить, а наше бѣлое очернить, смотря по тому, чего имъ хочется, что нужно имъ въ извѣстное время. Если бы только мы, грузины, говорили объ этой чертѣ армянскихъ ученыхъ, можно было бы думать, что вражда, зависть диктуютъ намъ подобныя мнѣнія. Но Ленорманъ, Раулинсонъ, г. Никольскій—не родня, не кумовья наши, чтобы ихъ заподозрить въ пристрастномъ сужденіи.

Г. Гольмстремъ, къ сожалѣнію нашему, тоже дуется въ одну дудочку съ этими учеными армянами и, заставляя „вопіющіе“ за насъ, грузинъ, камни вопіять за армянъ, бьетъ въ набатъ и восклицаетъ: „И камни возопіють!. Камни не лгутъ!“. Не „камни“ здѣсь „лгутъ“,—они правду говорятъ,—„вопіють же и лгутъ“ жонглирующие армянскіе мудрецы или мудрствующіе жонглеры, въ родѣ Эзова и имъ подобныхъ. Это какая то особенная группа, которая какъ будто условилась надувать свѣтъ: лисицу, шакала превращать въ льва, льва—въ кошку и, подобно обшипанной курицѣ—насѣдкѣ, выводитъ цыплятъ въ бывшемъ гнѣздѣ орловъ.

XII.

Честь и слава г. Гольмстрему, выказывающему сердоболіе относительно армянъ, какъ угнетенной и

преслѣдуемой націи, открыто и безбоязненно говоря-
шему о нихъ. Но вѣдь и мы не такъ безсердечны,
чтобы не сочувствовать чужимъ страданіямъ, не со-
знавать всего ужаса избіенія, разрушенія и разоренія и
не понимать цѣли человѣка, принимающаго участіе въ
судьбѣ несчастныхъ и подающаго если не руку помо-
щи, то, по крайней мѣрѣ, голосъ утѣшенія, любви.
И мы знаемъ, что лишь искреннее утѣшеніе, исходя-
щее изъ чистаго сердца, лишь истинная любовь со-
ставляютъ ту высшую благодать, которая возноситъ
человѣка въ горнюю высь, гдѣ ангелы славословятъ
Бога. Сожалѣемъ, что обстоятельства и интересы исти-
ны вынудили насъ поставить г. Гольмстрема въ ряду
армянскихъ ученыхъ, откровенно высказаться о воль-
ныхъ и невольныхъ его промахахъ и выразить по
этому поводу наше удивленіе. Желательно было-бы
знать, что побудило его написать такую исторію, до-
стойную лишь армянскихъ философовъ и Деллинге-
ронъ и которая стряпается лишь въ кухнѣ этихъ по-
слѣднихъ. Удивляемся: если г. Гольмстремъ не озна-
комился съ произведеніемъ Никольскаго, указаннымъ
нами выше въ нашихъ примѣчаніяхъ, то сочиненіе
Анучина несомнѣнно ему должно быть знакомо, такъ
какъ, по его словамъ, Анучинъ противникъ теоріи,
считающей урартійцевъ предками армянъ; по мнѣнію
г. Гольмстрема, это доказываетъ безпристрастіе Ану-
чина, за что онъ и похваливаетъ его. Тутъ представ-
ляются два поразительныхъ обстоятельства. Одно со-
стоитъ въ томъ, что на свѣтѣ якобы существуетъ те-
орія, доказывающая родство армянъ съ урартійцами.
Если подобной теоріи нѣтъ, то какой смыслъ въ увѣ-
реніи г. Гольмстрема, что г. Анучинъ противникъ этой

теоріи?! Г. Гольмстремъ ошибается въ существованіи подобной теоріи: такой теоріи нѣтъ, и какимъ же образомъ г. Анучинъ можетъ быть противникомъ несуществующей теоріи?! Г. Анучинъ не досужій же человѣкъ, подобно армянскимъ грамотеямъ-ученымъ, чтобы воевать съ вѣтряными мельницами! Повторяемъ, въ настоящее время во всемъ свѣтѣ съ фонаремъ не сыщешь истиннаго ученаго,—исключая такихъ доморощенныхъ ученыхъ, какъ какіе то Эзовъ и К⁰,—который придерживался бы теоріи родственной связи урартійцевъ съ армянами. Да и господа Эзовъ и К⁰ наврядъ-ли сами рѣшатся пикнуть объ этой теоріи,—развѣ только съ цѣлю одурачить „друга“, чтобы затѣмъ чужими руками жаръ загребать, а самимъ благо-разумно спрятаться въ норѣ. На это они мастера! Если г. Анучинъ и отрицаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ, то не въ опроверженіе кого либо, а въ подтвержденіе мнѣнія изслѣдовавшихъ это обстоятельство. Приглашаемъ г. Гольмстрема назвать хотя бы одного дѣйствительно ученаго,—будь онъ европеецъ или русскій,—какъ сторонника той теоріи, съ которой якобы г. Анучинъ несогласенъ и о которой лишь одинъ г. Гольмстремъ,—да, лишь одинъ г. Гольмстремъ,—такъ необдуманно гремитъ и никто больше. Если бы даже эти двѣ противорѣчашія другъ-другу теоріи и существовали, то что это за признакъ безпристрастія, за которое г. Гольмстремъ восхваляетъ г. Анучина?! Кажется, тутъ будетъ уместно сказать: „рѣчь твоя обличаетъ тебя“⁹⁸⁾. Другое обстоятельство заключается въ томъ, что г. Гольмстремъ такъ подро-

⁹⁸⁾ Матвѣевъ, глав. 26, ст. 73. *Прим. перев.*

но приводитъ свидѣтельство г. Никольскаго, въ подтвержденіе приводимыхъ имъ данныхъ о родственности будто бы урартійцевъ и армянъ, а объ Анучинѣ говоритъ два-три слова, и то какъ то глухо,—онъ-де противникъ этой теоріи. Онъ не обратилъ вниманія на то, что г. Анучинъ и антропологическими данными доказываетъ, что армяне послѣ уже пришли въ Арменію, въ прежнюю страну Урарту.⁹⁹⁾ Кромѣ того тотъ же Анучинъ свидѣтельствуетъ, что армянамъ удалось занять ту страну послѣ долгой и упорной борьбы съ урартійцами. Есть, по его словамъ, нѣкоторыя основанія, въ силу которыхъ мы можемъ полагать, что урартійцы, или понтіійскіе халды¹⁰⁰⁾, были прародичами грузинъ. Вотъ подлинныя слова Анучина: „Такимъ образомъ, армянамъ удалось занять страну лишь послѣ долгой и упорной борьбы съ племенемъ Урарту или понтіійскими халдами,—племенемъ, языкъ котораго еще не выясненъ, но есть нѣкоторыя основанія предполагать въ нихъ прародичей картвельскаго или грузинскаго племени“ (см. „Брат. пом. арм.“, стр. 361, 2-е изд.).

Милый онъ человѣкъ, г. Гольмстремъ! Если онъ такъ пространно рассказывалъ намъ объ армянствѣ урартійцевъ, и притомъ бездоказательно,—обмолвился бы объ насъ хоть однимъ словомъ, даже такъ же коротко, какъ имъ приводятся слова г. Анучина; хотя бы даже намекомъ упомянулъ о происхожденіи грузинъ отъ урартійцевъ. Кто былъ бы за это на не-

⁹⁹⁾ См. „Братская помощь армянамъ“, стр. 358, изд. 2-е.

¹⁰⁰⁾ Какъ походятъ другъ на друга: Калди и Картли! Какое созвучіе!

го въ претензіи?! Если свидѣтельство г. Никольскаго, притомъ всецѣло, съ начала до конца переименованное, необходимо было для обармяненія урартійцевъ, почему же онъ забылъ, замолчалъ такъ или иначе доказанное г. Анучинымъ происхожденіе грузинъ отъ урартійцевъ?! Само собою разумѣется, дѣло самого Гольстрема,—гдѣ, что и какъ сказать, мы же скажемъ только: чудны дѣла твои, Господи!

Положимъ, пусть урартійцы не были армянами,—изволить говорить г. Гольстремъ,—въ данномъ случаѣ это никакого значенія не имѣетъ. Вотъ те и на! для чего же было вамъ, г. Гольстремъ, въ такомъ случаѣ беспокоить гг. Никольскаго и Анучина, почти весь фельетонъ посвящать доказательствамъ происхожденія армянъ отъ урартійцевъ и впутывать разсказъ о событіяхъ, случившихся *minimum* за 2700—2800 лѣтъ, и разсказомъ этимъ доказывать намъ духовную и физическую мощь, мужество нынѣшнихъ армянъ, какъ потомковъ славныхъ урартійцевъ?! Для чего же было вопіять г. Гольстрему: „Чтобы найти истину въ этомъ (армянскомъ) вопросѣ, не заправленную, не подкрашенную политиками, нужно обратить свой взоръ къ сѣдой древности, къ археологамъ, къ ученымъ путешественникамъ.“¹⁰¹⁾ Слѣдовательно, всѣ эти слова были пущены на вѣтеръ! Какъ мнѣ жаль васъ, слова! Удивительно, что говоритъ это г. Гольстремъ, т. е. та личность, которая „не обратила своего взора ни къ сѣдой древности, ни къ археологамъ, ни къ ученымъ путешественникамъ“, ни даже на тѣ самые

¹⁰¹⁾ См. „Петербург. Вѣдомости“ 1891 г., № 33, фельетонъ „И камни возопіютъ“.

камни, которые, по его словамъ, „вопіють“! „Еще о многомъ, многомъ вопіють найденные въ Арменіи камни“,—говорить съ большимъ пафосомъ г. Гольмстремъ. Совершенно вѣрно, о многомъ они вопіють, но жаль, что вопль ихъ пришлось слушать лицамъ, уши которыхъ заложены ватой! Эти камни о многомъ вопіють, но совершенно о діаметрально противоположномъ тому, о чемъ г. Гольмстремъ ратуетъ въ „С.-Петербур. Вѣд.“,—обармяненію уартійцевъ. Вновь приглашаемъ г. Гольмстрема: если мы не правы, пусть онъ укажетъ на одинъ фактъ, на одного истинно ученаго, на одинъ вопіющій камень,—тогда мы сложимъ оружіе свое у ногъ г. Гольмстрема, склонимъ выю свою предъ нимъ и публично покаемся въ своей ошибкѣ. Мысль о возвеличеніи армянъ такъ увлекла г. Гольмстрема, что онъ счелъ возможнымъ сказать даже слѣдующее: „Этотъ народъ (армянскій) въ теченіе многихъ вѣковъ доказалъ непоколебимую преданность христіанскимъ православнымъ завѣтамъ.“ 102)

Нечего и говорить, что всякій народъ считаетъ свою вѣру православною (правою) и никто не можетъ этого оспаривать. Религія—дѣло совѣсти, вѣры, и въ немъ всякій свободенъ и неприкосновененъ. Но и ребенку извѣстно, что армяне—григоріанскаго вѣроисповѣданія и совѣмъ не принадлежать къ той религіи, которая извѣстна вообще въ Россіи и въ частности въ русской литературѣ подъ именемъ православной. Слѣдовательно, слова г. Гольмстрема, что „армяне доказали непоколебимую преданность христіанскимъ пра-

102) См. его фельетонъ „И камви возопіють“, „Пет. Вѣд.“ 1899, г. № 33.

вославнымъ завѣтамъ“—неправда, потому что отъ вѣроисповѣданія, носящаго это названіе, и, слѣдовательно, отъ завѣтовъ его армяне отказались еще въ VI столѣтіи, и съ тѣхъ поръ они отдѣлились отъ православія. Какое отношеніе между вѣроисповѣданіемъ армянъ и тѣмъ, которое вообще въ Россіи и русской литературѣ въ частности именуется православіемъ!? Разумѣется, армяне тоже христіане, и нельзя отказывать имъ въ большихъ заслугахъ предъ христіанствомъ. Они много жертвъ принесли христіанству, много крови пролито ими, и не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что они жертвовали христіанству почти всею своею исторіею, царствомъ, отчизною, родиною и этимъ дѣйствительно, къ чести своей, сохранили свою вѣру, языкъ, что и помогло имъ сохранить народность. Ни исторія, ни человѣчество не забудутъ заслугъ армянъ и жертвъ, принесенныхъ ими христіанству. Поэтому, если бы г. Гольмстремъ упомянулъ объ этой великой заслугѣ армянъ предъ всѣмъ вообще христіанствомъ, онъ былъ бы правъ; но разъ онъ вклеилъ туда „православіе“, то разсмѣшить и ребенка утвержденіемъ, что армяне были непоколебимо преданы чужому вѣроисповѣданію и, слѣдовательно, неустойчивы въ своемъ собственномъ. Религія—истина сердца, и она въ двойномъ видѣ не можетъ зачатъ въ одномъ и томъ же сердцѣ. Немыслима какъ двуличная истина, такъ и двуличная вѣра. Она или единственна въ одномъ и томъ же сердцѣ, или ея вовсе нѣтъ. Вѣра—узелъ, который находится въ духовной области человѣка и не можетъ имѣть два глаза и два сердца, чтобы, въ одно и то же время, служить „и нашимъ, и вашимъ“. Она имѣетъ одинъ глазъ и

одно сердце; если можно такъ выразиться, она не дѣлитъ надвое человѣческаго сердца, чтобы и одно считать православнымъ, и другое и съ одинаковымъ благоговѣніемъ относиться какъ къ одному, такъ и къ другому исповѣданію. Поэтому непоколебимая преданность чужой религіи есть неустойчивость, отрицаніе своей. Самоотверженно преданные одной религіи не могутъ быть, въ одно и то же время, самоотверженно преданы другой, и притомъ съ непоколебимой преданностью, какъ это полагаетъ г. Гольмстремъ. Человѣкъ непоколебимо вѣренъ только той религіи, которую исповѣдуетъ и носить въ своемъ сердцѣ, иначе вѣра—не вѣра, а одежда, которую человѣкъ по желанію мѣняетъ. Поэтому мы не думаемъ, чтобы вѣрующіе армяне считали этотъ похвальный отзывъ г. Гольмстрема для себя лестнымъ. Въ чемъ хотите можно обвинить армянъ, но не въ измѣнѣ своей религіи. Напротивъ, къ чести своей, они хорошо знаютъ цѣну своей религіи, и потому бодро несли ярмо всякихъ бѣдствій и страданій.

Въ заключеніе мы должны спросить слѣдующее: что принудило г. Гольмстрема мучить несчастные камни, беспокоить уважаемыхъ ученыхъ и къ чорту отравить самую исторію? Мы этого не знаемъ и не имѣемъ особеннаго желанія знать, но насъ удивляетъ и поражаетъ въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что и здѣсь сказала та программа, которая какъ бы привилась, по закону наслѣдственности, армянскимъ ученымъ: у армянъ даже вата должна грохотать, а у грузинъ и орѣхъ не долженъ шумѣть 103).

103) Груз. посл. *Примѣч. перев.*

Будемъ-де трубить о себѣ! Вотъ и трубятъ! Протяните-ка нить отъ Сенковского до г. Гольмстрема, прослѣдите, и вы увидите, что въ продолженіе этого шестидесятилѣтняго періода всѣ армянскіе книжники держатся этой нити, проводятъ одну и ту же программу съ удивительнымъ единодушіемъ и единомысліемъ. Хватаются они за эту программу и зубами, и руками, и ногами, и всѣмъ своимъ существомъ. Развѣ не ясно, что они хотятъ показать всему свѣту, что лучше, устойчивѣе, способнѣе армянъ никого нѣтъ въ Малой Азіи, въ особенности въ Закавказьѣ. Правда, въ Закавказьѣ валяются-де какія то враци 101), и болѣе или менѣе поминаетъ кой-кто и о нихъ, но мы-де ихъ такъ скрутимъ, такъ оскандалимъ ихъ имя, что и слѣда отъ нихъ не останется. Если у нихъ найдется исторія, опорочимъ ее или присвоимъ ее себѣ, если у нихъ есть территорія, то лишимъ ея и правдой и неправдой увѣримъ свѣтъ, что грузины на пути къ вырожденію и что не сегодня—завтра или поголовно вымрутъ, или обармянятся.

Въ ругани этой, разумѣется, г. Гольмстремъ не принималъ никакого участія, и мы благодарны ему за то, что онъ, пожалѣвъ насъ, воздержался отъ порицанія насъ и не заклалъ насъ на жертвенникъ вождельній, по примѣру армянскихъ книжниковъ; но чрезвычайно трудно выносить этихъ Худабашовыхъ, Паткановыхъ, Кишмишевыхъ, Эзовыхъ, Арцруни и вообще ту группу армянъ, которой да поможетъ Богъ восхвалять себя сколько ей угодно, но которой, извините, мы не дадимся на поруганіе и поношеніе, и,

101) Такъ армяне называютъ грузинъ. *Прим. перевод.*

надѣмся, всякій благоразумный армянинъ будетъ намъ сочувствовать въ этомъ. Вотъ тутъ и есть начало и конецъ, альфа и омега того жгучаго разлада, съ такимъ рвеніемъ посѣяннаго среди насъ невѣждами-грамотеями и вооружившаго грузинъ и армянъ другъ противъ друга. Именно эти, и только эти невѣжды, болтуны-философы нарушили добрыя отношенія между грузинами и армянами и обратно, иначе почему же за пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ назадъ не существовало такой непріязни между нами! Мы не чуждались другъ друга, хотя по происхожденію и по вѣроисповѣданію различны, но ненависть изъ за-грузинства или армянства не имѣла мѣста среди насъ, къ нашему общему счастью и чести, а если нынѣ единство пошатнулось, нѣжно приписать это малодушію, невѣжеству, бездѣльничеству и продѣлкамъ армянскихъ грамотеевъ-ученыхъ. Достаточно одного Эзова, чтобы устраситься самого себя и съ отчаяніемъ воскликнуть: ужели человѣкъ дѣйствительно образъ и подобіе Божіе?! Пусть Господь Богъ взыщетъ съ каждаго за грѣхи его и проститъ, если только такой поступокъ можетъ быть прощенъ.

Но мы не жалѣемъ ничего для армянъ. Мы отлично знаемъ, что прежнее безсиліе Грузіи началось съ того несчастнаго дня, когда пала Армения—этотъ прежній нашъ оплотъ, стѣна со стороны юга. Мы оберегали армянъ со стороны сѣвера, а они насъ со стороны юга. Послѣ того какъ Вахтангъ Горгъ-Асланъ обезпечилъ тогдашнюю Грузію съ сѣвера, вся наша исторія и заботы были направлены на укрѣпленіе Грузіи съ юга. И пока Армения существовала, татары прежде всего должны были пройти ее, чтобы вторгнуться въ

Грузію. Поэтому-то величайшіе наши цари и государственные люди ничего не жалѣли, чтобы въ случаѣ нужды помочь армянамъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые наши цари не понимали, какое важное значеніе имѣло для Грузіи существованіе Арменіи. Не стало Арменіи, и ворота со стороны юга остались открытыми для вторженія враговъ въ Грузію. Хотя послѣ паденія Арменіи мы выдержали почти семь вѣковъ борьбу съ врагами въ тысячу разъ сильнѣе насъ, но всю историческую жизнь нашу погубили на замыканіе южныхъ воротъ. Обезсиленная и уставшая Грузія врагу не сдалась, но обратила взоры свои къ другу и отдалась подъ покровительство Великой Россійской Имперіи. Развѣ для насъ желательно разсѣяніе армянъ?! Да дастъ имъ Господь Богъ силу и умѣніе сплотиться всѣмъ вмѣстѣ тамъ, откуда они ушли и разсѣялись. Но пусть не домогаются, не пытаются лишить насъ нашего и униженіемъ нашего имени не стараются возвеличить и прославить свое.

Многимъ ли мы владѣли или малымъ, но дали вамъ убѣжище, пріютили васъ и побратались съ вами. Не обращайтесь же съ нами, у насъ же дома, какъ враги! „Предпочтительнѣе имѣть льва, лежащаго на пути, чѣмъ врага, обитающаго въ вашемъ домѣ“ (105). Такъ грузины встарину говорили, такъ говоримъ мы, такъ же скажетъ и всякій благоразумный армянинъ.

— 99 —
К О Н Е Ц Ъ.
— 99 —